Роман Перельштейн

Важнее всего как научить ребёнка смотреть хорошее кино

Airis press

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

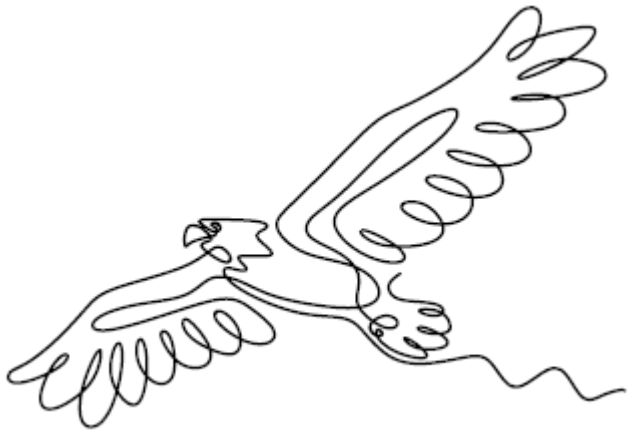
Эта книга написана в жанре достаточно редком – занимательное киноведение. Она адресована родителям, которые ищут общий язык со своими детьми – взрослыми и не очень. На страницах книги можно встретить разборы как полнометражных мультфильмов, так и игровых картин. Так, анимационный фильм «Душа» соседствует с лентой Андрея Тарковского «Сталкер», а советский мультфильм «Конёк-Горбунок» с картиной «Форест Гамп». Оказывается, супергеройский фильм «Человек-паук. Нет пути домой» и истерн «Белое солнце пустыни» имеют много общего. Какие фильмы смотреть с детьми, как их смотреть – вот вопросы, которые ставит автор и на которые даёт ответы с присущим ему чувством юмора. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

- Роман Максович Перельштейн
  -
  -
  - Эта книга о Тайне с заглавной буквы
  - История одна, хотя и рассказывается на разные лады
  - Пробуждённая душа всегда и везде дома
  - Переводные картинки
  - Мудрецы
  - Как же без Гарри Поттера?
  - Мастер-класс
  - Иванушка-дурачок против Супергероя
  - Фильмы, обязательные к просмотру
  - Фёдор Сухов и Питер Паркер
  - На пороге «комнаты желаний»
  - Лирический эпилог

Роман Максович Перельштейн
Как научить ребёнка смотреть хорошее кино

© ООО «Издательство «АЙРИС-пресс», 2022

Эта книга о Тайне с заглавной буквы



Дорогой читатель, нам предстоит путешествие в мир кино. Но мы возьмём с собой наших детей. Пока они ещё не выросли, мы должны успеть передать им эстафету интересной и глубокой жизни. В этом нам поможет не только наш житейский опыт, но также опыт читательский и зрительский. Нужно поспешить. Уже завтра будет поздно. Хотя никогда не поздно посмотреть всей семьёй стоящий фильм и непринуждённо дать понять ребёнку любого возраста, что с его мнением считаются. Сходить в кинотеатр и не обсудить картину – всё равно что не поделиться впечатлениями о совместном приключении. Да это просто невозможно.

Я бы назвал кинематограф «немногословным искусством». В хорошем фильме всё понятно без слов. Впрочем, нельзя сбросить со счетов власть и силу слова. Есть вопросы, которые возникают сами собой. Какие именно картины смотреть с детьми, как вдохновить их на знакомство с мировой и отечественной киноклассикой? Как не отстать от них? Ведь порой подростки лучше нас разбираются в современных тенденциях кинематографа. Наконец, как наше общение не только с детьми, но и друг с другом сделать содержательнее благодаря «немногословному искусству»? Мы постараемся ответить на эти вопросы, но с наскоку такую тему не раскрыть. Предлагаю двигаться маленькими шагами.

Как-то мой старший сын, поздравляя меня с днём рождения, сказал: «Обычно родители видят, как взрослеют их дети. А мне повезло увидеть, как взрослел мой отец». Младший это слышал.

Сидел и улыбался, как подпольщик. Ему достался отец уже обтёсанный.

Взросление – дело творческое, и в чём-то даже напоминает игру. Но играть в неё со своим ребёнком нужно честно. Не жульничать. Да и взрослеть вместе веселее. Помню, как в шестилетнем возрасте старший сын прибежал весь мокрый и, глотая слова, заявил: «Папа, я пять минут назад совершил подвиг! Я протоптал человечеству дорогу в снегу!» Я вот до сих пор не могу похвастаться таким достижением. Неиссякаемая серьёзность и искренность наших детей порой просто ошеломляет. Поэтому, уж прости меня, дорогой читатель, я не устаю повторять, что дети – наши главные учителя. Почему? Да потому что они проверяют нас. А мы ли их родители? Можно ли нам доверять? Может быть, мы вообще какие-то посторонние люди. Может быть, мы даже инопланетяне, которые украли нормальных земных детей и ведём себя с ними абсолютно ненормально. Но если у нас хватит терпения, чтобы не сорваться, если при выяснении любых отношений с детьми победит любовь, а не «Как я сказал, так и будет!», то тогда из этаких невменяемых гуманоидов мы можем превратиться в нормальных родителей. Конечно, трудно воспользоваться подобным советом. Ну, а кто сказал, что быть в отношениях лёгким и понимающим нетрудно?

Прошлой весной я посмотрел вместе со своими сыновьями полнометражный мультфильм «Душа». Очередной шедевр студии Pixar. Так вот там не рассказано, а показано, в этом и состоит преимущество киноязыка, *как* научить ребёнка чувствовать, видеть, слышать. Как высекать искру. Как подкладывать в костёр мокрые дрова, ведь в них тоже спрятан огонь. В фильме куча практических рекомендаций для родителей, в том числе и такая – как научить ребёнка смотреть и понимать хорошее кино. А ещё целый ворох подсказок для детей. Имеется и духовное наставление – *живи здесь и сейчас*. А это вовсе не значит – прожигай жизнь. Это значит – преврати каждое мгновение своей жизни в маленький фонарик. Пусть над фитилём настоящего момента пляшет огонёк, который родом из вечности, родом из счастья.

Я люблю, когда мои дети смотрят хорошие фильмы. Но если они смотрят фильмы, как мне кажется, невыдающиеся, то я стараюсь им не мешать. Ведь я и сам посмотрел в своей жизни великое множество картин, прямо скажем, средних, а иногда и вовсе никудышных. Почему? Да потому что все их смотрели. И мне не хотелось прослыть белой вороной. Кстати, может достаться и чёрной, если с нею что-то не так.

Я видел, как ворону с перебитым крылом пытались заклевать

сородичи. Они действовали слаженно и деловито. Без сантиментов. Покалеченную птицу я принёс в школу и сделал для неё насест в углу коридора. Вряд ли бы ученику такое позволили. Но к тому времени я был уже директором школы, и вороне просто повезло. Наши воспитанники окрестили её Гамлетом. Кто из детей или взрослых не видел гайдаевскую комедию «Кавказская пленница»? Помните ручного ворона? Он создавал атмосферу ужаса в сцене расплаты. Шурик и водитель Эдик судят крупного советского чиновника «по древнему закону гор». Заведующий райкомхозом товарищ Саахов получает заряд соли в мягкое место и эпично валится с подоконника в сад. Не знаю, как уж удалось взрослым заставить нас посмотреть это, безусловно, хорошее кино. Но факт остаётся фактом: комедию Гайдая знало наизусть и моё поколение, и поколение моих учеников. Наша ворона, которая величественно подволакивала крыло, могла быть только Гамлетом.

Свой «живой уголок» мне не нужно было согласовывать с РОНО. Я руководил не общеобразовательной школой, а экспериментальной: мы готовили юных зодчих. Называлась школа-студия «ДАШКА», а расшифровывалась аббревиатура так: Детская Архитектурная Школа Казани. Ютились в общежитии строительного института. Занимали всего пару комнат, но мы обладали отдельным крыльцом, от чего дух захватывало. Выпускник архитектурного факультета, я вместе со своими друзьями-студентами и друзьями-педагогами преподавал в «ДАШКЕ» не только рисунок и живопись, но и пространственную композицию, макетное моделирование, азы книжной графики. Маленький храм искусств жил своей непотопляемой жизнью. Стены школы были расписаны до потолка, причём не только сотрудниками, начиная с первокурсников и заканчивая замдеканом, но и нашими подопечными всех возрастов. Мы рассказывали детям бесконечные истории, мы проводили с ними дни напролёт.

Перед открытием школы я успел проехаться по распадающемуся Союзу и собрать передовые методики преподавания всего на свете, получив их из первых рук энтузиастов, которые представляют собой самое бескорыстное племя на земле. Кто-то теснился на чердаках и в подвалах, кто-то в подсобках музеев, кому-то доставались целые избы из чёрных брёвен и старые московские квартиры с потолочной лепниной. Но все всегда и всё отдавали мне даром, так как ещё не умели продавать, да и у меня больших сбережений не имелось. Чай, сушки, детский смех, пальцы в гуаши – вот атмосфера этих творческих объединений. Порой запихивали в карман ещё и

деньги на обратный билет. Я шёл на вокзал со студийным бутербродом в зубах и колоссальными планами на будущее. Такие встречи не только согревали – они обжигали. Новый друг, новый мир.

Я запросто мог позвонить художнику и педагогу Борису Неменскому и обсудить с ним в такси его методику «эстетического воспитания школьника». Помню, как мы расстались перед дверями ВГИКа, пожав друг другу руки. А ведь он меня совершенно не знал, но решил непременно поговорить с молодым человеком из провинции, пусть и по дороге на работу. Я тогда и представить себе не мог, что через восемь лет понесу документы в институт кинематографии имени С. А. Герасимова и поступлю на сценарный факультет. Или я мог вместе со своим кемеровским другом наведаться к Юрию Норштейну и провести рукой по шершавым картонам мастера, подышать свежей карандашной стружкой; запнувшись о табурет, случайно наткнуться глазами на эскиз тумана и лапу Ёжика в нём. Или оказаться в квартире философа Владимира Библера на Ленинградском проспекте и загореться его концепцией «Школа диалога культур». Перед молодостью и добрыми намерениями открыты все двери. Не забывайте об этом.

Это было время невероятных надежд, и я не могу сказать, что наши мечты не сбылись. По сути, они сбылись. Мы остались людьми. А что ещё нужно?

«ДАШКА» продолжает ковать кадры. За тридцать лет в ней поменялось с десяток штурманов. Ваш покорный слуга это мог бы поставить себе в заслугу: я стоял у истоков начинания, которое замечательно потом справилось и без меня. И до сих пор нас всех, капитанов разного призыва, связывает дружба…

Сколько себя помню, я учил и учился. Вероятно, преподавал и в бессознательном возрасте. Вот только не помню что. Признаться, я и сейчас не очень хорошо понимаю, что я преподаю во ВГИКе? То ли теорию кинодраматургии с её непреложными законами, то ли некую вечную философию с её неизменной поэзией. То ли сценарное мастерство, то ли целостную психологию. То ли драматургию современного фильма, то ли мифологию. И кому преподаю? Детям или взрослым? Где кончается мир детства и начинается взрослая жизнь? Существуют ли эксперты по этому вопросу? И если да, то куда от них бежать? Мне становится страшно от одной мысли, что они существуют.

Один китайский мудрец сказал, что у человека две жизни, и вторая начнётся, когда ты осозна́ешь, что у тебя есть только одна. Видимо, момент осознавания является отправной точкой. Если ты его проскочишь, не жалуйся. Можно посмотреть фильм глазами

своей «первой» жизни и глазами «второй», и это будут два совершенно разных произведения.

Так у меня случилось со «Сталкером». Я посмотрел эту ленту в 1980 году вместе с родителями. В четырнадцать лет я не понял ничего. Чтобы не испортить первое впечатление от картины, то ли своё впечатление, то ли моё, отец не проронил ни слова. Молчала и мама. Улица Кирпично-Заводская, по которой мы возвращались домой в кромешной темноте, казалась бесконечной.

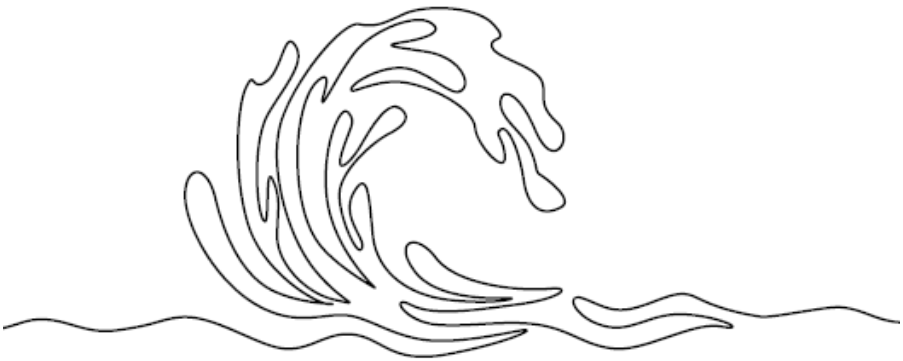
Зрители уходили со «Сталкера» пачками. Одни с нервным смешком, демонстративно шаркая, другие – на цыпочках, закусив губу. Когда за спиной хлопали сиденья, казалось, что с айсберга поднимается стая полярных чаек. Терпение советского человека лопалось в тех сценах, которые режиссёру были, видимо, особенно дороги. Мы досидели до конца, за что я родителям страшно благодарен. Да, я не понял ничегошеньки, полагаю, что далеко не всё поняли мои родители: их молчание тяжеловесно звенело. Но до меня каким-то окольным путём дошло, что Тарковский – гений. Вот так родители, весьма далёкие от кинематографа, учили меня смотреть хорошее кино.

У нас одна жизнь, это правда, но, к сожалению или к счастью, она начинается не сразу. Она начинается с какого-то радикального и чаще всего никому не заметного переворота. Но готовится этот переворот загодя. Он готовится материнской улыбкой, отцовским ободрением. Провалиться мне на месте, если я вру! Без этого фундамента не будет ни стен, ни крыши, ни шпиля с корабликом или флажком, со львом в короне или с волшебной птицей. Но вернёмся к «немногословному искусству». Есть кино, которое лучше смотреть и пересматривать глазами нашей «второй» жизни, то есть глазами души, расправившей крылья. Именно такое кино я бы осмелился назвать по-настоящему хорошим. А иногда именно хорошее кино и переворачивает нашу жизнь. Потому что оно учит видеть скрытое от глаз. Потому что оно рассеивает инфантильные грёзы. Седьмая муза, как принято называть кинематограф, полна не меньших загадок, чем все её предшественницы вместе взятые.

У каждого из нас есть сокровенные глаза, глубинное внутреннее зрение. На что оно похоже? На бьющий из камней родник, на розовую зарю, на морскую даль. И вот когда я, образно выражаясь, посмотрел картину Тарковского «родником», «зарёй» и «далью», я сразу всё понял. Фильм «Сталкер» не такой уж и сложный. Попробую передать его суть в нескольких словах. Человек есть тайна, и разгадать её можно только ещё большей тайной, Тайной с заглавной буквы.

Эта книга о Тайне с заглавной буквы.

История одна, хотя и рассказывается на разные лады



Детей нужно любить, мы это знаем. Но что значит любить?

В средней школе, которую закончил мой отец, был класс «охраны детского голоса». Певческий голос действительно нуждается в том, чтобы его оберегали. Но мне кажется, что ещё более важным является охрана детского покоя. Это не значит, что мы должны сдувать с наших детей пылинки. Это значит, что мы должны учиться вместе с ними уважать некий ровный доброжелательный тон, согретый юмором. Искромётные шутки только приветствуются! Как вы понимаете, этот тон не имеет никакого отношения к равнодушию. Он – полная противоположность равнодушия.

Глубоко мною уважаемый актёр Александр Ширвиндт в одной из своих книг написал: «Я ору только на тех, кого люблю: чем громче крик – тем сильнее чувство. С людьми, мне безразличными, я тих и интеллигентен». Я отдаю должное артистизму этого признания. И орать на тех, кого любишь, можно тоже по-разному. Однако, насколько же превратно эта фраза может быть понята. Ведь в ней всё переставлено с ног на голову. Может быть, она задела меня потому, что когда-то я вёл себя точно так же. Силу чувств я измерял всем блеском и нищетой их внешних проявлений, их экзальтированностью, а интеллигентность и тактичность приберегал для своего «публичного лица». Но почему я решил, что если я ору, то я кого-то люблю? Я просто люблю орать.

Далеко не сразу, но я пришёл к выводу, что наш крик и есть высшее проявление равнодушия. Лучшей маскировки для бесчувствия не найти. То, что мы принимаем за бурю чувств,

когда выходим из себя, не имеет никакого отношения к нашим истинным чувствам.

Мы прекрасно знаем, какой ценностью обладает та живая тишина, в которой всем хорошо. Совершенно необязательно играть в молчанку или сидеть букой. Я не помню, чтобы, разговаривая со своими детьми, я умудрился не пошутить. Можно и голос повысить, почему бы и нет, но не переходить известной черты.

Как-то мой девятилетний сын Семён разоткровенничался:

– Ты единственный весёлый человек в семье.

– А ты? – спросил я.

– Я середнячок.

Мог в таком духе отчебучить и Михаил, когда был в возрасте своего младшего братца: «Ты такой смешной, папа! Мама правильно женилась».

Тишиной как органичным и естественным фоном жизни часто пренебрегают. Её боятся. Светлая, глубокая тишина подготавливает переживание необъятности бытия, а необъятное пугает.

Ночью в лесу у костра играл скрипач. Звучала бетховенская соната. К костру подошёл хорошо наклюкавшийся дачник-шатун. Через пять минут он взмолился:

– А нельзя ли что-нибудь другое?

– Сыграть другое? – уточнил маэстро.

– Да, – искательно улыбнулся гость.

– И что же?

– Не такое замогильное.

Между классической музыкой и тишиной много общего. Они способны не на шутку напугать человека.

Я назвал кинематограф «немногословным искусством» не только потому, что он старается не злоупотреблять речью, но и потому, что он знает цену паузам между словами. И таким странным образом он тоже учит нас. Учит быть внимательными друг к другу. Учит быть негневливыми. Учит собранности. Тишина, покой, умиротворение – это, если угодно, некая точка сборки наших детей.

Как-то я познакомился в поезде с детским неврологом. Интеллигентная, образованная женщина, любит природу. Можно сказать, выросла на природе. Она рассказала о том, как мать швырнула в неё валенком за какую-то провинность и сломала нос. Не удержалась от подобного жеста и моя собеседница: запустила в дочку валенком и попала ей в голову. Причём факты рассказчица сопоставила только сейчас. Сопоставила и побледнела. Абсолютно непонятно, как валенок, тот же самый, по

сути, валенок, оказался в её руке. И тогда я сказал: «Валенок продолжает лететь. Остановите валенок. Вспомните о покое». Женщина очень внимательно выслушала меня, поблагодарила и призналась, что с ней никто никогда не говорил о покое. Она и не знала, что покой – «это так важно». А тем временем моя попутчица возглавляла неврологическое отделение одного из округов Москвы…

Что же это всё-таки такое – хорошее кино? Кто даст ответ? Профессионал? Да, конечно. Но если он начнёт разговаривать на «птичьем» языке, то мы вряд ли что-то поймём. Каждый эксперт имеет ещё и свою точку зрения, не совпадающую с мнением коллег. Складывается впечатление, что просто невозможно разобраться в том, какой фильм является безоговорочно *хорошим*.

Хорошее кино – это прежде всего школа чувств, в которой решающую роль играет иерархия переживаний. На первое место я бы поставил сострадание. Мы учимся любить тех, кто, казалось бы, этого не достоин. Мы находим в них что-то человеческое. Другими словами, мы учимся не выбирать достойных любви. При этом мы, конечно же, отдаём наши симпатии герою, который их заслужил. Мы учимся *понимать*, причём не только других людей, но и самих себя. Хорошее кино напоминает нам о тех неписаных законах, по которым у нас часто не получается жить, хотя мы и очень стараемся.

Старейший преподаватель института кинематографии Леонид Нехорошев попытался сформулировать критерий на все времена. Как-то в доверительной беседе он сказал, что хороший фильм – это тот, в котором есть Бог. Но, как вы понимаете, каждый человек вкладывает свой смысл в слово, имеющее столь длинный исторический шлейф. Как же быть? Держаться нейтральной лексики? С большим или меньшим успехом подобное удаётся только учёным. Но душе этого мало. И всегда будет мало.

С середины пятидесятых до начала восьмидесятых Нехорошев работал главным редактором «Первого творческого объединения» и киностудии «Мосфильм». Именно он курировал уже упомянутую нами картину «Сталкер». Его рассказы о том, как менялся замысел Тарковского, образ самого Сталкера, который из супермена «Кожаный Чулок» превратился в юродивого, я помню до сих пор.

Я хорошо знал Леонида Николаевича и любил его. Сейчас во ВГИКе я читаю тот курс дисциплин, который он когда-то преподавал нам. Да, я понимаю, что он имел в виду, подобравшись вплотную к своему, на мой взгляд, замечательному, критерию. Но сказано-то это было едва ли не с

глазу на глаз. Не согласиться с Нехорошевым невозможно. Однако просто согласиться и поставить в этом разговоре раз и навсегда точку мы не можем.

Оттолкнёмся от мнения Леонида Николаевича и посмотрим, удастся ли нам подтвердить его правоту при помощи других слов и других образов.

Есть притча, которую я не устаю рассказывать своим детям, студентам и друзьям. Я не являюсь её автором, но со временем она словно бы стала моею. По крайней мере, меня по ней узнают.

Маленькая волна отправилась на поиски Океана. Ей хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на него. Но никто не знал, где живёт Океан: ни Утёс, который омывался его водами, ни Кит, который бороздил его просторы. Утёс что-то слышал об Океане от своего дедушки, но дедушке верить было нельзя. А Кит и вовсе был уверен в том, что Океана не существует. Наконец маленькая волна повстречала старую и мудрую волну, у которой болело, кажется, всё. Старая волна ничего не сказала про Океан. Но она попросила: «Ты лучше нырни и разотри мне ногу». Отзывчивая маленькая волна повиновалась. И когда она вынырнула, то это был уже Ученик, который, обращаясь к Учителю, воскликнул: «Так вот где Океан! Оказывается, я и есть Океан! И я всегда была им». Так маленькая волна пробудилась к своему океаническому состоянию, или, как говорят мудрецы, пробудилась к полному осознанию своего Истинного «Я». При этом она не перестала быть волной. Она перестала быть *только* волной. Она перестала быть чем-то, что существует отдельно от великого океана жизни или просто – *отдельно от жизни*.

Притчу про маленькую волну я рассказывал сотни раз десятком способов. Но она согревает моё сердце. Вот почему я повторяю и повторяю её. С волной может случиться всё, что угодно, в конце концов она изгладится, но бессмертен Океан. Бессмертен, а потому и удивительно спокоен. Вот и мы в качестве бездонного океана жизни не можем быть вычеркнуты из Бытия. Исчезает только волна, а точнее, не исчезает, а скрывается в Океане, устремляясь в его глубины и участвуя, если угодно, в строительстве этих глубин. Великий Океан – это, конечно же, символ. Символ бездонности нашего сердца, за пределами которого не может быть ничего, потому что у поистине глубокого сердца нет границ.

Вернёмся к вопросу о том, что такое хорошее кино и как привить нашим детям вкус к нему. Хорошее кино не существует в отрыве от глубокой жизни. И если мы распробовали вкус глубокой, океанической жизни, то для нас не составит труда узнать её проявления и в «немногословном искусстве».

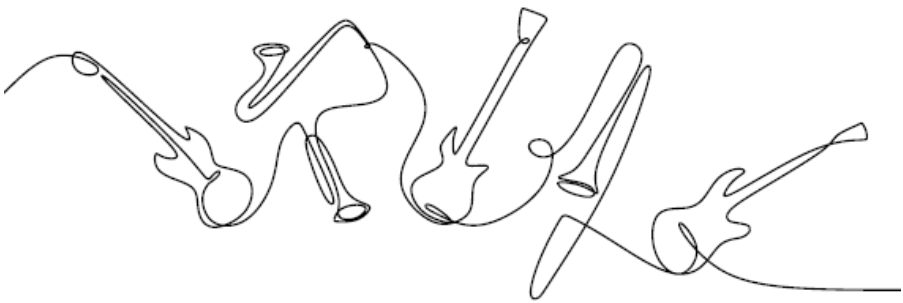
В одной из «Кинопанорам» актёр Андрей Миронов засунул себе за щёки теннисные шарики и жалостливо пропел: «Мир загадочный и странный под названием кино». До сих пор бегут мурашки, когда вспоминаю его комически-трагическое лицо. Кинематограф довольно молодое искусство и, возможно, навсегда останется таковым. Оно легко завоёвывает континенты, требует миллионных вложений, не устаёт поражать разнообразием форм, и кажется, что его следующий шаг предсказать невозможно. Однако седьмая муза с завидным упорством каждый раз рассказывает одну и ту же историю. О том, как маленькая волна превращается в Океан. О том, как волна, никогда не ставя перед собой такой цели, вдруг осознаёт свою связь с Океаном. Или по какой-то причине ей не удаётся пробудиться к океанической жизни, и волна остаётся отдельным, а значит, глубоко несчастным существом.

Знаменитая книга Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий герой» наделала много шума. К этому исследованию можно по-разному относиться, но в нём содержится чрезвычайно ценная мысль. Американский учёный доказывает, что мы всегда имеем дело с одним героем, цель которого освободиться от «эго», а мы скажем – стать Океаном. Но сразу же оговоримся: стать Океаном – значит обрести глубинное единство с ним. Речь идёт только о *единстве*, а не о *равенстве* или *превосходстве*. Может ли герой потерпеть поражение на этом пути? Например, отрезать себя от всецелостности жизни какой-нибудь теорией или поступком, честолюбивой мечтой или поклонением какому-нибудь идолу. О, да! Такое возможно. Герой может создать культ собственной личности, раздутой до размеров океана, но Океаном не ставшей.

Пушкинская старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке» подвела классический итог желаниям волны. «Хочу быть владычицей морскою, / Чтобы жить мне в Окияне-море, / Чтобы служила мне рыбка золотая / И была б у меня на посылках». Чем это закончилось, мы знаем. Волна, которая собралась *владеть* Океаном, ничего не знает о другой иерархии – власти Океана над нами, власти глубокой жизни над жизнью поверхностной.

Развивая идеи Кэмпбелла, мы вправе предположить, что и История одна, всегда одна, хотя и рассказывается на разные лады. Лучше всего эту мысль выразил немецкий писатель Михаэль Энде, назвав свою замечательную философскую сказку «История, конца которой нет».

Пробуждённая душа всегда и везде дома



В пиксаровском фильме «Душа» есть примечательная сцена. Школьный учитель музыки, пианист Джо Гарднер, который всю жизнь мечтал играть джаз, выступает перед публикой. Зал рукоплещет, сомнений нет: взошла новая звезда. После своего феерического дебюта Джо и саксофонистка Доротея Уильямс, которая руководит квартетом, выходят на улицу. «Ну, а что у нас дальше?» – спрашивает Гарднер. «Соберёмся здесь снова завтра и всё повторим», – отвечает Доротея. Почему-то Гарднер опечален. «Что, что-то не так?» – спрашивает она. «Я ведь к этому дню шёл всю свою… правда, всю свою жизнь. Ждал другого чувства», – признаётся он. С пониманием улыбнувшись, Уильямс преподаёт герою урок: «Есть одна притча о наивной рыбке. Подплыла она к мудрой рыбке и говорит: “Как найти то, что зовут Океаном?” – “Океаном? – повторила та. – Ты в нём. Мы в нём живём”. – “Это?! – удивилась рыбка. – Это вода. А я хочу в Океан”».

Ещё одна модификация притчи о маленькой волне.

Полнометражная анимационная лента «Душа», снятая Питом Доктером и Кемпом Пауэрсом, заслуживает отдельного разговора. Я соглашусь с тем, что эта картина спорная. Сюжет не так уж и прост, изобразительный язык специфичен. Но есть в «Душе» нечто такое, что лично для меня представляет огромную ценность.

Упав в открытый люк, незадачливый музыкант Джо Гарднер отчаянно пытается балансировать между мирами. Господин в маленькой шляпе и больших очках ещё не *там* и уже не *здесь*, но в тоже время – и *там,* и *здесь*.

В подобной ситуации оказался Гарри Поттер, когда тёмный волшебник Волан-де-Морт почти убил его. Гарри обнаруживает себя в странном месте, похожем на вокзал «Кингс-Кросс». Там его встречает профессор Альбус Дамблдор. «Профессор, всё это на

самом деле? Или это происходит лишь в моей голове?» И Дамблдор отвечает: «Конечно, в твоей голове, Гарри. Почему это должно значить, что всё это не на самом деле?» Точно так же могли бы ответить и Джо Гарднеру, задай он подобный вопрос.

Далее мы узнаём, что существует не только мир после жизни, именуемый «мир После», но и мир до жизни – «мир До». Причём в «мире До» имеются кураторы, которых зовут Джерри. Кто они? «Сосредоточение всех квантовых полей Вселенной». Если непонятно, то извините. Кто сказал, что нам всё будет понятно в этом мире, что уж говорить о «мире До»? А ведь именно в нём, согласно авторской задумке, формируются личности, перед тем как родиться. Не потому ли у одних и тех же пап и мам такие разные дети? И всё-таки я думаю, что ангелические существа, обведённые светящимся контуром и похожие на добрых тётушек и дядюшек, – это не какие-то там «квантовые поля». Джерри символизируют собой наше истинное сердце и просветлённый ум, между которыми нет разницы. Словом, попав на тот свет, Джо обнаруживает, что занавес жизни ещё не опущен, спектакль продолжается и ему уготована новая роль.

Наш герой берёт шефство над душой № 22, этаким неоновым шариком-липучкой, которая успела вывести из себя не только Коперника и Карла Юнга, но и саму мать Терезу. Все они искали призвание этой на редкость своенравной души. Однако так и не нашли. Не бесёнок ли перед нами, готовящийся облечься в человеческую плоть? Впрочем, не будем демонизировать 22-ю.

Конечно же, разбудить душу трудно. Маленькой волне пока ещё невдомёк, что она Океан. В переходном возрасте, а он может затянуться надолго, между детьми и родителями устанавливается баланс сил, напоминающий модель отношений между Джо и его подопечной. Душа № 22 ищет своё призвание. Вот и нам предстоит найти мелодию, которая пробудит душу нашего ребёнка. А впрочем, мелодия напоётся и сама. Наш ребёнок – «крепкий орешек», уж это точно. Но если в моей жизни есть то, что окрыляет меня, что отрывает от земли, как, например, музыка позволяет воспарить Джо Гарднеру, если есть то, что невероятно вдохновляет меня, то рано или поздно «орешек» расколется.

Если мы обратимся к символике яйца, то вспомним, что оно олицетворяет и мироздание, и бессмертие, и бог знает что ещё. Но мне очень нравится следующая метафора. Если яйцо разбивается снаружи, то это означает смерть, а если изнутри, то это знак жизни. В любом случае скорлупе не избежать распада.

Все мудрецы вторят друг другу: с волной, осознавшей, что она Океан, уже ничего не может случиться. Я уверен, что именно это мы должны оставить детям в наследство, а не нашу

излишнюю тревожность, будь это тревога за них или за окружающий нас мир. Океанический покой позволяет действовать разумно в любой жизненной ситуации, потому что именно он раскрывает творческий потенциал наших детей. Изменить мир к лучшему может только человек счастливый, то есть умеющий радоваться тому, что есть, а значит, каждый день наполняющий тайным светом наш общий взгляд на вещи. Я ни на секунду не сомневаюсь в том, что все изменения к лучшему, которые нам так необходимы, приложатся. Было бы к *чему* приложить. А изменения произойдут неминуемо. И на самом деле, несмотря ни на что, происходят каждый день. Вот только мы не всегда замечаем их.

Основная идея мультфильма «Душа» такова. Человек должен научиться чувствовать себя живым. По-настоящему живым. А это значит, что мы начинаем ощущать нашу океаническую связь друг с другом и такую особую связь с нашими детьми, которая больше уз крови. Но это предполагает нашу готовность на жертву. Иногда приходится жертвовать своей правотой. Все родители знают об этом. А иногда приходится жертвовать и чем-то гораздо большим, но только не душой. Если же мы придаём забвению наш внутренний мир, нашу душу и строим на этой жертве, как на фундаменте, счастье своего ребёнка, то подталкиваем его к тому же самому неверному выбору, и не просто подталкиваем, а программируем его своей превратно понятой жертвенностью.

В конце фильма Джо Гарднер получает шанс воспользоваться билетом в жизнь и вернуться в земной мир. Но душа № 22, которая, по сути, стала его ребёнком, его творением, в этом случае не воплотится, не займёт своего места среди живых. Волшебные условия вселенной фильма нарушать нельзя: двоим не спастись. То есть покинуть океанические глубины, я выражусь именно так, и обрести форму волны может только одно существо. Не без колебаний Джо уступает пропуск в жизнь душе, которая, наконец-то угадала своё призвание. Однако и Джо Гарднеру открылось его призвание. В чём оно? Да в том же, в чём наше призвание как родителей. В готовности пойти на жертву. Но уточним, чтобы не произошла подмена и мы не угодили в ловушку ложно понятой жертвенности. Принести себя в жертву – не значит поставить на себе крест. Принести себя в жертву – значит осознать, что для Океана не так уж и важно, останется ли он волной или сокроется в те глубины самого себя, благодаря которым возникают все волны. В жертву приносится переживание нашей *отдельности*. Жертва высвечивает нашу связь с источником Жизни.

«Я пойду с тобой», – подбадривает Гарднер готовую

воплотиться душу. «Ты же сам знаешь, что нельзя», – отвечает 22-я. «Я знаю, но провожу хоть немного». И, взявшись за руки, они устремляются к голубой Земле. А ведь так мы и передаём жизнь своим детям. И что может быть прекрасней!

Подлинное искусство выводит отдельное «я» из состояния гипнотической зацикленности на своих страхах и тревогах. И современная компьютерная анимация способна на это не в меньшей мере, чем классическая литература, живопись или музыка.

С 22-й всё будет хорошо. А вот господин в маленькой шляпе и больших очках снова обнаруживает себя на конвейере, уводящем в светящееся Ничто. За его спиной возникает Океан в лице коучей Семинара Душ. «От имени всех кураторов Джерри выражаю вам благодарность. Мы профессиональные вдохновители, но редко когда нас самих могут вдохновить», – говорит Океан, или собирательный образ непостижимого бытия. Океан вовсе не желал смерти Джо Гарднеру, но Океан сделал всё, чтобы Джо перестал существовать в качестве *только* волны. И – о чудо! – ему даётся второй шанс! Джерри шутит: «Надеюсь, впредь вы будете смотреть под ноги», – а затем спрашивает: «Уже знаете, чем займётесь? Чему посвятите жизнь?» – «Надо подумать», – озадачивается Гарднер и переступает порог то ли двух миров, то ли своего дома, из чего можно сделать вывод, что пробуждённая душа всегда и везде дома, а непроснувшаяся везде и всегда чужая. Никто её не ждёт, никто ей не рад. Продолжая отвечать на вопрос, чему он посвятит жизнь, герой заканчивает фразу так: «Надо подумать, но точно знаю, что каждый её миг я проживу сполна». Затем он вдыхает полной грудью, и мы начинаем всё видеть нашими сокровенными глазами. Розовый воздух, мягкие тени, закатные лучи на позеленевших от времени кирпичах, решётка входной двери с затейливым узором. И хотя Джо устремляет взгляд *вверх*, на подсвеченные облака или на небоскрёбы Нью-Йорка, смотрит он *внутрь,* а значит, на то, что нельзя увидеть глазами.

Современный учитель недвойственности обратился к ученику: «Встань». Тот поднялся. «А теперь шагни навстречу себе». Ученик замер. Именно в эту секунду и произошла встреча ученика с самим собой. Что-то подобное испытывает Гарднер. Джо стоит на крыльце и не может двинуться с места. Потому что отныне он – везде. Он – Океан.

Я почему-то уверен, что, посмотрев анимационную ленту студии Pixar Animation Studios, Леонид Николаевич сказал бы, что в этом фильме есть Бог. И я бы совершенно согласился с ним.

Переводные картинки

Кто нас учил смотреть хорошее кино? Наверное, сама жизнь. Она была лучше, чем кино. Но эта истина открывалась только в кинотеатре, при встрече с настоящим искусством, которое словно бы подсвечивало всё самое интересное в жизни.

В десять лет я вместе со своими друзьями Шуркой и Вовкой посмотрел «Конька-Горбунка». Не помню, когда я стал обращать внимание на имена режиссёров, но точно не в середине семидесятых. Советский мультфильм, снятый по сказке Петра Ершова режиссёром Ивановым-Вано, стал одним из самых важных событий детства. И на это имелось две причины. «Конёк-Горбунок» оказался ярким и прозрачным, как радуга над лиманом. Это во-первых. А во-вторых, мы слишком много пережили в этот день, особенно Шурка Кавун.

В моей памяти всё причудливо сплелось: вымысел и быль, кино и жизнь, радость и боль, и я уже не смогу отличить одно от другого. Жизнь порой крутила такое кино!..

Вовка и Шурка считали меня большим фантазёром. Они не верили, что я живу в Казани. В Одессе-маме про такой город никто не слыхал. Вот если бы я приехал на лето к бабушке из Ростова-папы или Сыктывкара, на худой конец, то моя репутация не пострадала бы. Так у меня и появился имидж, который приходилось поддерживать.

Я часто вспоминаю Одессу моего детства. Бабушкин двор из пепельно-розового ракушечника и тёплое солёное море;

кинотеатр «Мир» и в квартале от него блошиный рынок, который мог тебя сделать самым счастливым или самым несчастным человеком на свете. Назывался рынок Староконным.

Стоит южному утру заштриховать жёлтыми шестигранными карандашами ночную свежесть улиц, как в торговых рядах закипает жизнь. И пока солнце цвета фруктового кваса не закатится за флигеля улицы Вегера, здесь будет чем поживиться. На главной барахолке Одессы можно купить всё – от породистого ньюфаундленда до рядового разъёма водопроводного крана. Как-то мне толкнули здесь «Педагогическую поэму» Макаренко, и я прочитал её залпом.

Кто не был на Староконном, тот не знает Одессы.

– Девочка, почём эта торба?

– Вы шо, будете брать?

– Нет, я пришла сюда играться.

– Десять рублей.

– Хм, вы знаете, что её не продадите?

– Я не девочка, милочка, и я уже продала одну такую.

Абрикосы с подрумяненным боком, фигурное мороженое на широкой палочке, стеклянный магазин «Игрушки». В то утро Вовчик наступал мне на пятки, и, когда я оглянулся, чтобы отвесить ему щелбан, увидел Шурку. Я и не знал, что он пришёл с матерью. Дымящая, как паровоз, тётя Света по кличке Вобла решила сдержать слово – купить попугайчика. Она даже новую блузку надела, чтобы не передумать. Всегда имея при себе сигареты, Светлана Андреевна умудрялась их ещё и стрелять. Воблой её называли только взрослые, но в тот день это право присвоили себе и дети. Курила Светлана Андреевна «Памир» и очень уважала мою бабушку, которая отдавала предпочтение «Беломорканалу». Мы сомневались, что тётя Света раскошелится и осчастливит Шурку. Пока она торговалась, окутывая всё живое клубами ядрёного дыма, мы с Вовкой пошли смотреть макаку.

Столо́вый мельхиор с гербами, крик павлина, пухлые запястья домохозяек, перетянутые авоськами до синевы. Торговцы живым товаром, до неприличия похожие на своих кошек и собак. Студенты-нумизматы; скороговоркой говорящие портнихи; специалисты по примусам; люди искусства с большими малярными кистями в тазах; пенсионеры, торгующие у туалета полиэтиленовыми крышками и электрическим хламом.

– Батя, почём выключатель?

– Три рубля.

– Работает?

– Нет.

– А который работает есть?

– Вот. Пять рублей…

Где же наша макака? Вместо неё наплывом пошли образы «Конька-Горбунка», очень напоминающие сводно́й рисунок.

Переводную картинку нужно было смочить водой, а затем скатать пальцем раскисшую промокашку. И тогда вспыхивала какая-то новорождённая первозданная реальность, тонкий слой которой дрожал, подобно слюде, но потом вдруг замирал и, высыхая, успевал пообещать счастье. Правда, жили картинки недолго. Они быстро трескались и рассыпались, но сам момент обещания счастья, а значит, и самого счастья, проскочить было нельзя.

Вот я впился глазами в Чудо-юдо кита. Страшный и смешной, он проглотил корабли и превратился в остров. Мужики пашут землю. Детвора собирает грибы. Бьющий из головы фонтан приспособили под водопровод. Бедняга весь покрыт пятистенками, а главная улица упирается в хвост. Потом по этой улице потешно будет драпать свинья. Мне безумно нравилось, как кит, позволив мирянам унести ноги и отпустив на волю струги с гребцами, отрясает с себя всё бренное. Избы летят вверх тормашками, море закипает, и печальный губастый великан скрывается в пучине. Идея разбить деревянный город на спине кита настолько поразила меня, что я решил получше узнать, кто такие архитекторы и чем они занимаются. Своей первой профессией я точно обязан «Коньку-Горбунку».

Этот фильм выходил в двух версиях – 1947 и 1975 годов. Так вот, в сюжете первой версии не было эпизода с китом. Царь-девица не требовала, чтобы ей достали со дна окияна её перстень. Лет через пять я пересмотрел шедевр Иванова-Вано и был сильно удивлён, не обнаружив в нём своей любимой сцены. Я решил, что она мне приснилась или я её придумал.

В детстве символические фигуры Иванушки-дурачка и Конька-Горбунка я принимал за чистую монету. Мне нравилось, что они неразлучны и что они меня не подведут. А ещё – что всё закончится хорошо. Своего мнения я так и не поменял. Может быть, только зорче вгляделся и увидел что-то ещё. Что именно?

Что Конёк-Горбунок одна из метафор Великого Океана жизни. Конёк-Горбунок, или Конёк-Единорог, напоминает своему хозяину о том, что всё происходит ради него – Ивана, а не с ним – с Иваном. То есть, всё делается во благо герою, для которого приказы царя становятся условием роста его души. Конёк – это и есть душа Ивана, которая не позволяет ему забываться. Конёк своим выразительным обликом придаёт форму не видимой обычными глазами, постоянно ускользающей связи всех душ с их Источником. На Руси эту нелёгкую ношу несли блаженные. Но и

Конёк-Горбунок юродивый среди рода лошадиных. Конь, а уши ослиные, не верблюд, а горбат. Без Конька Иван и шагу не ступит. Почему? Чтобы не обогнать свою душу. Ей и предстоит, искупавшись в трёх котлах, воскреснуть, то есть вернуться в свой Источник.

Нашим детям не понять, что мы выросли на переводных картинках. А ещё у нас было слишком много времени. Мы тратили его на наши маленькие и большие беды. Мы, сказал я, хотя все неприятности в тот день достались Шурке Кавуну.

Между ларьком «Союзпечать» и магазином «Игрушки» – толпа. Одесситы обступили каштан. Вокруг дерева ходит тётя Света с рейкой от ящика. За нею плетётся Шурик. Подбородок впился в грудь. Шейный позвонок выпячен. Шурка – само раскаяние. Тётя Света время от времени зашвыривает рейку на дерево.

– Говорила я тебе, держи, морда, крепче, не зевай!

Невозмутимо и методично она мечет рейку. Покувыркавшись, та шваркается об асфальт. В толпе нездоровый смех.

– Чего встал, хоть за доской бегай! Я, что ли, попугая выпустила? Я, что ли?

Кавун, приколоченный к земле взглядами зевак и гневом Воблы, обнимает задрипанную сумку. Он не знает, что ему делать: гореть от стыда за мать или смеяться в знак солидарности с толпой. Психопатка тётя Света вырывает из его рук сумку и подходит к лыбящемуся солдату.

– Закурить не найдётся, служивый?

Она выпускает клуб дыма. Попеременно глядит то на дерево, то на сына. Теперь попугая сбивает Шура.

– Ни кидать не умеешь, ни птицу держать!

Тётя Света предательски и беззащитно улыбается, не менее беззащитно и предательски, чем это делал Шурка, когда в попугая целилась мать.

Жадно затянувшись, она затаптывает окурок. Затем, очень грубо ткнув в Шурика сумкой, продолжает развлекать публику. Кавун утирает слёзы. Закрывается от белого света бедовой сумкой матери.

Толпа острит:

– Созрел уже, сбивать пора.

Путаясь в редких, но хитрых ветвях, рейка с виноватым видом возвращается несолоно хлебавши.

– Сколько стоит-то он, сколько?

– Двенадцать рублей, тварь такая.

Рядом спорят:

– Да погибнет он, погибнет.

– Не погибнет, – нараспев протестует дядька в парусиновой шляпе.

– Да погибнет, говорю я вам!

Баба Слува, которая живёт под нами, подходит к дереву.

– Ты, наверное, Светка, себе думаешь, что я приехала изо Львова, чтобы ты этой финеркой разбила мне голову и чтобы я ходила потом в пулклиник, а дитё твоё надрывается, а тебе хоть бы хны! Ей хоть бы хны!

– Давай споймаю, хозяйка. Чем расплачиваться будешь?

– Натурой, – ощеривается тётя Света. Пожирая сына гневными маленькими глазами, она цедит сквозь зубы: – Тебя бы туда засадить, сволочь, и болтал бы ногами. Позоришь меня на весь город.

Мы с Вовчиком бессильны. Но он украдкой ёрничает:

– Улетели твои денежки, Вобла, улетели.

– Да цирк здесь не устраивайте. Попугай, велика птица! – басит грек Попандопало с макакой под мышкой.

На лице тёти Светы вспыхивают пятна:

– Бегай, гадёныш, бегай! Одна мать надрываться будет?!

Шурка ревёт белугой. В разрывах рубчатой листвы мелькает жёлтый попугайчик. Он крепко и смирно сидит на ветке. С любопытством беглец наблюдает за представлением.

Какой-то мужчина в годах вскарабкивается по стволу. В его движениях сквозит сонливость гиппопотама и проворность удава. Наступает мёртвая тишина. Искусный птицелов тянет руку к попугаю. Пронзительно вскрикивает макака, и жёлтенький перепархивает с каштана на козырёк, с козырька – на карниз магазина и, перемахнув мостовую, скрывается в бесстыжей зелени июля.

Мы облегчённо вздыхаем. Под каштаном остаются двое – тётя Света и Шура.

– Иди и без попугая не возвращайся.

Спохватившись, она вынимает из сумки кулёк с семенами.

– Иди продавай. Скажи, птица улетела. Понял, что мать говорит?

– Понял, – сжимает он кулёк.

Кавун перебирает на месте негнущимися ногами, затравленно косится на мать. Тупо уставившись в асфальт, она, как заведённая, повторяет:

– Иди, иди, говорю.

Шура почти не дышит.

Оставшись одна в кругу плевков и окурков, Светлана Андреевна вздыхает. Она бережно поправляет выбившуюся из-под заколки прядь, одёргивает блузку и сиплым голосом повторяет:

– Иди… ну, иди… ну давай.

Мы подхватываем Шуру и тащим его сквозь ряды Староконного. До кинотеатра «Мир» рукой подать, и мы дуем к улице Перекопской победы…

Перекрестившись, Царь решил искупаться в кипятке, но это ему не помогло: старик сварился. А Ванюша с Царь-девицей входят в ворота Небесного Иерусалима.

Напоследок, высунувшись из ворот, Конёк подмигивает нам.

Мудрецы

С оригинальным отечественным мыслителем Григорием Померанцем и его супругой – поэтом Зинаидой Миркиной я близко сошёлся в конце нулевых годов. Это были белоснежно седые старики с пронзительно ясным взглядом на вещи. Заглянув на их философско-культурологический семинар «Работа любви», я остался с мудрецами навсегда. Они увидели во мне духовного сына и даже своего преемника. Они поверили в меня. И своей верой совершенно изменили меня.

Померанц покинул нас в 2013-м, Миркина – в 2018-м. Но их семинар продолжает свою работу, и его аудитория растёт. Поговорка «скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты» ещё справедливее в отношении ученика и его учителей. Всё лучшее в нас конечно же от наших драгоценных учителей.

Какие фильмы любили Померанц и Миркина? Если одним словом, то – *глубокие*. Григорий Соломонович часто обращался к картине Тарковского «Солярис». Он говорил, что наша душа – это не лужица, а залив Океана, который никогда не иссякнет. И даже если этот залив высохнет, Океан не исчезнет. Я знаю, что, когда он произносил это, перед его внутренним взором представал океан Соляриса, как пространство совести, которое находится в объятиях пространства любви.

Микробиолог Сарториус отказывает психологу Кельвину Крису в профессионализме. Крис переживает контакт со своей совестью, которая является ему в образе умершей жены, как главное событие всей своей жизни. Сарториус же считает подобное поведение неразумным. Отрицая существование жены Кельвина в материальном мире, микробиолог, по сути, и совесть причисляет к фантомам. В семье учёных, если допустить, что

Сарториус и Снаут – старшие братья, герой Донатаса Баниониса выглядит Иванушкой-дурачком. Но его мудрость, связанная напрямую с мистическим переживанием, превосходит позитивизм науки. Бесконечно анализируя и расчленяя, наука убивает чувство священной цельности.

В конце картины мы видим, как Кельвин Крис опускается на колени перед своим отцом, то ли земным, то ли небесным. Блудный сын вернулся домой, душа вернулась в свой Источник и прикоснулась к вечной жизни. А вот как о том же самом говорила Зинаида Александровна: «Я умру, зная, что я бессмертна. Потому что самое главное во мне – вот то, что и выразить невозможно, – бессмертно. Моя смерть – это страдания, это смерть, и всё-таки это не смерть».

После ухода Померанца, мы стали видеться с Зинаидой Александровной чаще. Каждая неделя начиналась с нашей большой встречи, с долгой беседы под лампой. В начале осени и в конце весны сидели перед окном, выходившим на Юго-Западный лесопарк, и смотрели, как медленно гаснет небо. Часто в эти часы Миркина писала стихи. А потом читала их. И всё во мне переворачивалось. Расставаясь, мы уговаривались: «Доживём до понедельника».

Она любила этот фильм. Учитель истории Илья Семёнович Мельников выглядит белой вороной в педагогическом коллективе: он не такой, как все. Но именно Мельников помогает окрепнуть детским душам. Он ставит выстраданную правду «журавля» выше жизненной философии «синицы». Илья Семёнович порывается уйти из школы, потому что в душе он сам «журавль», но герой Тихонова не может обмануть доверия воспитанников и покинуть свой пост. Его «небо» – это его служение.

Как-то мы посмотрели картину Станислава Ростоцкого вместе, и Миркина с детской непосредственностью рассмеялась над сценой, в которой телевизионный ведущий рассуждает об электронной музыке. «Найдутся, вероятно, телезрители, которые скажут: машина не способна испытывать человеческие эмоции, а именно они составляют душу музыки. Но, во-первых, надо точно определить, что такое “человеческая эмоция”, “душа” и сам “человек”». «Неужели определит?» – иронично спрашивает Полина Андреевна, мать главного героя.

Померанц и Миркина всегда брали под подозрение любителей точных определений. Григорий Соломонович писал в одном из своих эссе: «Целостной истиной можно быть, но её нельзя высказать».

Зинаиде Александровне очень нравилась картина Фрэнка

Дарабонта «Зелёная миля». Великан Джон поначалу производит впечатление умственно неполноценного. Но Джон Коффи чудотворец. Ему дана сила спасать всех живых существ, если ещё не поздно, однако спасти самого себя он не может. «Я устал, босс!» – признаётся Джон своему другу Полу Эджкомбу. Джон устал чувствовать всю боль мира и видеть всё то зло, что люди причиняют друг другу. Он каждый день всходит на свою Голгофу. Вряд ли электрический стул что-то добавит к той боли, которую он испытал. Божий человек Джон страдает не за свои грехи, а за грехи тех людей, от которых он не отделён. Сердце большого Джона нигде не заканчивается. В конце фильма Джон Коффи возвращается в свет, из которого он пришёл и которым никогда не переставал быть.

Вот и Миркина не была отделена ни от одной души. А ведь в этом и состоит «работа любви». И это был главный урок, который она и Григорий Соломонович преподали мне.

В своей духовной автобиографии Померанц сравнивает себя с героем андерсеновской сказки «Гадкий утёнок». Вот почему его книга, выдержавшая не одно издание, называется «Записки гадкого утёнка». Но философ признаётся, что так и не стал лебедем. Хотя гадкий утёнок может почувствовать в себе лебединость. Он несёт за своими плечами неразвернувшиеся лебединые крылья. Конечно же, Померанц эти крылья разворачивал, полёт его духа завораживал, но сам Григорий Соломонович никогда себе этого в заслугу не ставил.

Вот и в образе гадкого утёнка есть что-то от героя русской сказки Иванушки-дурачка. Сначала над ним все смеются. Ни он сам, ни окружающие не воспринимают его всерьёз. Он диковинка на птичьем дворе. Однако в его душе дремлет добрый молодец, живёт своей тайной жизнью «лебединость». К образу Иванушки-дурачка мы будем возвращаться не раз. Впереди нас ждёт довольно большой разговор, связанный с этим типом героя.

Я учился у наших мудрецов смотреть на мир их глазами. И неважно, на что ты смотришь, с чем имеешь дело. Фильм это или книга, закат или сосна. Благодаря любви к людям, которым ты безгранично доверяешь, у тебя появляется свой взгляд на вещи.

Зинаида Александровна всегда с придыханием говорила о картине, на которую я, наверное, и внимания не обратил бы. Речь идёт о советском фильме «Матрос Чижик», снятом в 1955 году режиссёром Владимиром Брауном. Но как-то мы посмотрели этот фильм вместе, и я был поражён его прозрачностью, акварельностью и глубиной. Сколько же искр вспыхнуло в глазах Зинаиды Александровны! Как же мгновенно откликалась её душа! Когда смотришь глазами человека, которого ты любишь, сразу

открывается суть всех вещей.

«Матрос Чижик» снят в канун хрущёвской оттепели. Этот фильм словно бы предвещает её. В нём содержится огромный заряд надежды. Федос Чижик определён в денщики, но заботиться ему придётся о маленьком сыне капитана Лузгина. Ещё совсем недавно Федос служил под началом Лузгина на корвете «Витязь». Барчук Шурка в Чижике души не чает. Старый матрос платит мальчику тем же, и оба учат друг друга доброте. А что может быть нужнее? Когда Шурка заболевает воспалением лёгких, Федос выхаживает его. Они подобны двум ангелам, заброшенным в безумный и несправедливый мир, но именно на них этот мир и держится. Служивый, который в одном лице и нянька, и наставник, и защитник, нам ещё встретится, когда мы будем говорить о картине «Белое солнце пустыни»: под начало товарища Сухова поступают не только освобождённые женщины Востока, но и красноармеец Петруха. Матрос Чижик ищет правду и готов за неё пострадать, однако маленький Шурка связывает его судьбу со своей судьбой и гасит огонь возмущения в душе матроса, возжигая огонь любви.

Когда мы смотрим вместе с нашими детьми или с нашими учителями хорошие фильмы, мы сами становимся и учителями, и детьми.

Как же без Гарри Поттера?

Кого-то нашли в капусте, кого-то принёс аист. Я не помню ни капустного поля, ни крыши деревенского дома с колесом от телеги, над которым живописно возвышается охапка веток и сучьев. Моё первое воспоминание связано с передвижным кинотеатром «Малютка». Разукрашенный дом на колёсах поразил меня в самое сердце. Кинотеатр располагался в автобусе, окна которого изнутри были плотно зашторены, а снаружи находчиво оклеены лисами, зайцами и лубяными избушками. Видимо, «Малютка» и привёз меня в этот мир. Внутри автобуса крутили благочинные мультфильмы. Вроде «Здравствуй, атом!» и «Лягушонок ищет папу». Но всё-таки имелся один, который не мог не отразиться на детской психике. Конечно же, это чешский мультфильм про крота, который за всё наше детство так и не научился разговаривать. То он обрабатывал лён, то терял свои штаны. Словом, вёл очень насыщенную, но совершенно непонятную жизнь. В салоне «Малютки» стоял запах подгорелых сахарных леденцов, семян подсолнечника, прокалённых на чугунной сковородке, бензина, рыбьего жира, одеколона и штопанных кожаных кресел с торчащими пружинами. К этому следует прибавить пол, обильно политый лимонадом «Буратино». Сандалии к такому полу прилипали насмерть. Но когда начинала потрескивать плёнка в кинопроекторе, то можно было забыть обо всём на свете. Наверное, с этих прилипающих сандалий всё и началось. Я вышел из автобуса хотя и маленьким, но уже готовым человеком.

Потом мне повезло и я вырос. Недаром же говорится, что мужчина – это случайно выживший мальчик. По каким стройкам

мы только не носились и куда очертя голову не лезли…

Если у вас есть дети, достигшие подросткового возраста, то вы знаете, как порой бывает непросто их в чём-то убедить, а уж тем более переубедить.

Давайте представим себе такой гипотетический разговор.

Вот вы принесли домой книгу «Как научить ребёнка смотреть хорошее кино» и бросили её на стол.

– Что это? – спрашивает ваш отпрыск.

– Как что? Книга.

– Что за название? Он что, с ума сошёл? Я вообще не понимаю, для чего писать такие книжки! Он смотрел «Человека-паука», «Форсаж», «Гарри Поттера»? «Мстителей» смотрел? «Я – легенда» или «Сумерки»? Про вампиров есть в этой книжке?

– Кажется, нет. Нужно дочитать.

– Не нужно. Выброс!

И вот у вас уже опустились руки. А ведь ваш ребёнок прав. Если даже про «Гарри Поттера» нет, то этой книге не место в вашем доме.

Вы с облегчением вздыхаете:

– Есть про «Гарри Поттера», есть. И про «Человека-паука» есть, кажется. А ещё есть про «Сталкера».

– Прикольно.

Но не думайте, что вы заинтересовали своего ребёнка. «Гарри Поттера» в тысячу раз интереснее смотреть, чем читать о нём какие-то занудные заметки.

Спросите вашего сына или дочь, а что, по их мнению, должно быть ещё в подобной книжке? Ну, хорошо, в ней нет про «Бегущего в лабиринте» и «Венома», нет «Зомбеты». Может быть, есть про печенюшки? Типа, сядьте всей семьёй и посмотрите фильм. Это поможет сблизить членов семьи.

И вам снова придётся разочаровать вашего строгого критика – даже про «печенюшки» нет.

Поэтому, дорогой читатель, я чувствую своё полное бессилие. Я даже не могу порекомендовать, какие именно картины смотреть с детьми. Впрочем, обещаю взять себя в руки и исправиться. Ну а для начала я вот что посоветую. Смотрите с детьми те фильмы, которые *им* нравятся. Ведь важно не то, *что* вы смотрите, важно, что вы смотрите их вместе. И тогда через какое-то время фильмы, которые нравятся вашим детям, станут «хорошими».

Но шутки в сторону!

Давайте разберём заключительный фильм о Гарри Поттере так, как мы это могли бы сделать в стенах ВГИКа.

Я приглашаю вас в нашу творческую лабораторию.

Не правда ли, те, кто создают сценарии, должны знать, как

они пишутся и переписываются, то есть владеть какими-то азами профессии. В дальнейшем каждый может писать, как ему захочется, но школа есть школа.

Итак, наш мастер-класс открыт для всех!

Я уже упоминал Джозефа Кэмпбелла и его знаменитую книгу «Тысячеликий герой». Кэмпбелловский «путь героя» или «мономиф» нам и пригодится при разборе экранизации второй части романа Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти»…

Я закончил сценарную мастерскую беззаветно мною любимого Одельши Александровича Агишева. Учитель милостью божьей, он прививал нам вкус ко всему подлинному. Агишев учил нас благородству. Его доброта была деятельной и энергичной, но не сумбурной, так как уравновешивалась восточной неторопливостью и степенностью. В отношения с учениками Одельша Александрович никогда не привносил суеты. Благодаря ему я полюбил совместные разборы наших сценариев, мозговые штурмы, командную работу. Но в начале двухтысячных никто всерьёз Кэмпбелла не воспринимал. Сценарии писали, полагаясь на интуицию. Однако именно интуиция и заставила меня в конце концов очень серьёзно отнестись к «Тысячеликому герою».

Судьба связала меня с ещё одним блестящим вгиковским мастером – Натальей Борисовной Рязанцевой. Несколько лет назад Наталья Борисовна пригласила меня в свою мастерскую в качестве педагога. Но и Рязанцева никогда Кэмпбелла не жаловала. Хотя резко о нём не высказывалась. Она вообще далека от категорических суждений. Наталья Борисовна – человек глубочайшего такта и удивительной скромности. Она верна своей спокойной интонации и своему непредсказуемому герою. Поэтому я предлагаю читателю самостоятельно решить, доверять «мономифу» или нет.

Метод Джозефа Кэмпбелла не единственный. Существуют и другие теоретические модели, которые помогают сценаристу разработать небанальный сюжет. Не говоря уже об оригинальных авторских методиках, коим нет числа. Но нам не объять необъятного. Поэтому я остановлюсь на многократно проверенной мною кэмпбелловской структуре истории.

Американский исследователь мифов представил путешествие героя в виде трёх этапов: «Исход», «Инициация» и «Возвращение». Каждый из них Кэмпбелл делит на стадии, которым даёт запоминающиеся названия. Если к первому этапу мы добавим стадию «Мир повседневности», которой нет у Кэмпбелла, то получим стройную модель формирования личности героя. Эта модель состоит из трёх этапов и восемнадцати стадий – по шесть стадий в каждом этапе. Запутаться невозможно. Всё очень просто.

Но, конечно же, каждая из стадий взросления души представляет собой абсолютную тайну. И всё-таки я надеюсь не обмануть ожиданий тех, кто любит всё раскладывать по полочкам. У этого метода есть как свои плюсы, так и свои минусы. Но сегодня мы поговорим исключительно о плюсах.

Мастер-класс

Разберём картину «Гарри Поттер и Дары Смерти. Часть 2» с позиций кэмпбелловского «мономифа».

Этап «Исход», стадия «Мир повседневности».

Гарри Поттер и его друзья подбираются к четвёртому по счёту крестражу – им окажется чаша Пенелопы Пуффендуй, которая хранится в банке «Гринготтс». Напомню, что крестражами называются части расколотой души Тёмного Лорда по имени Волан-де-Морт. Не уничтожив крестражи, невозможно победить и Тёмного Лорда. Так смерть персонажа русской волшебной сказки Кощея Бессмертного заключена в игле, которая спрятана в яйце, яйцо – в утке, утка – в зайце, заяц – в сундуке. Ну а сундук зарыт под дубом, который растёт на острове. Остров же омывается море-океаном. Заметим, что злой чародей и некромант Кощей пытается отделить себя от Великого Океана жизни довольно сложным и хлопотным способом, спрятав один волшебный предмет внутри другого. Так он устанавливает между собой и Жизнью барьеры. Похожим образом поступает и Волан-де-Морт. Только он разбросал свои части-осколки, спрятав их не друг в друге, а в разных местах. О том, что седьмой осколок его души проник в Гарри Поттера и заключён в нём, Волан-де-Морт не знает. Крестражи – это грехи Тёмного Лорда, которые отделяют его от других людей, да и от самой жизни. Узел внутренних противоречий имеется и в душе Поттера, но он пока не понимает его природы. Самый знаменитый студент Хогвартса Гарри Поттер избирает профессию мракоборца, однако мрак проник и в его

душу.

Этап «Исход», стадия «Зов к странствиям».

Гарри предлагает гоблину Крюкохвату сделку, а гоблин в свою очередь выдвигает условие, которое и является *зовом к странствию* для главного героя. Гоблин требует за свои услуги волшебный меч.

Этап «Исход», стадия «Отвержение зова».

Мракоборец колеблется, что равносильно *отвержению зова*, но вынужден согласиться с условиями Крюкохвата. Зов принят.

Этап «Исход», стадия «Сверхъестественное покровительство».

Невозможно отправиться в путешествие, не обзаведясь волшебным помощником. Таким помощником-покровителем для Гарри по иронии судьбы становится его главный враг Волан-де-Морт. Герой Дэниела Рэдклиффа – *посвящаемый*, персонаж Рэйфа Файнса, загримированного под Тёмного Лорда, *инициирующий жрец*. Их связывает друг с другом тайна, которой предстоит открыться только в конце противостояния Гарри Поттера и Волан-де-Морта.

Этап «Исход», стадия «Преодоление первого порога».

При помощи Крюкохвата Гарри, Гермиона и Рон проникают в банк. Им удаётся ввести в заблуждение клерков-гоблинов и проникнуть в сокровищницу, которую охраняет дракон. Украинский бронебрюх дышит огнём, и с ним шутки плохи. Сейф Лестрейнджей открыт, чаша основательницы Хогвартса Пенелопы Пуффендуй найдена. Дерзкая операция потребовала от наших героев немалой выдержки. Накал страстей этих нескольких сцен и характер действия соответствует стадии *преодоление первого порога*.

Этап «Исход», стадия «Во чреве кита».

Гоблин Крюкохват оказался коварным негодяем. Заполучив волшебный меч, он обрекает своих товарищей на гибель. По Гарри и его друзьям уже открыли огонь охранники, и тут Гермионе приходит гениальная идея. Оседлав Украинского бронебрюха, неразлучная троица вырывается из подземелий банка «Гринготтс». Расправив крылья, дракон уносит их прочь. Поистине, западню, в которую угодили друзья, можно уподобить *чреву кита*, и это испытание оказалось гораздо серьёзнее предыдущего.

«Исход» завершён, и начинается этап «Инициации». Открывает его стадия «Путь испытаний».

Мракоборец Гарри чувствует, как Волан-де-Морт незримо присутствует в его жизни. Тёмный Лорд узнаёт о визите Гарри и его друзей в банк «Гринготтс» и призывает свою верную змею Нагайну к бдительности. Тем временем неразлучная троица

переносится в Хогсмид. Брат покойного профессора Дамблдора, Аберфорт, предоставляет им убежище и помогает проникнуть в замок. Появление Гарри в Хогвартсе вселяет надежду на перемены. Заходит разговор о новом возможном крестраже – диадеме Кандиды Когтевран.

Путь испытаний продолжается. Новый директор школы профессор Северус Снегг, собрав всех в Большом зале, требует выдать ему Гарри. Но тот является сам, обвиняет Северуса в убийстве Дамблдора, и профессору, похожему на летучую мышь, приходится ретироваться – разбив витраж, Снегг исчезает. Но теперь Тёмный Лорд, а точнее его всепроникающий голос, требует, чтобы ему выдали Поттера. Слизеринцы готовы сделать это, но профессор Минерва Макгонагалл велит препроводить их в темницу и тем самым окончательно берёт сторону Гарри и его друзей. Теперь Хогвартсу предстоит держать оборону. Волан-де-Морт на подходе.

Путь испытаний состоит из нескольких драматических событий, никогда не ограничиваясь одним. Разбуженные заклинанием, рыцари-великаны отправляются в дозор. Устремив к небу волшебные палочки, учителя школы создают вокруг Хогвартса защитный купол.

И вот мы приближаемся к важнейшей сцене фильма, которая часто расположена в его середине. Кэмпбелл называет эту стадию этапа «Инициации» – «Встреча с богиней».

«Богиня» – это не просто очередное испытание. Богиня подобна зеркалу, которое отражает духовное состояние героя. И богиня поможет ему, если поймёт, что герой полон решимости достичь своей цели. В противном случае богиня укажет на слабое место в душе героя и, вместо того чтобы заключить с ним мистический брак, с позором отвергнет его.

Гарри заговаривает с Серой дамой, призраком башни Когтевран, Еленой Рэйвенкло, и та отвечает ему, хотя и не сразу. Узнав, что Гарри ищет диадему её матери, призрак отказывается помогать. Но Поттер заявляет, что собирается уничтожить диадему. Тем временем Тёмный Лорд атакует Хогвартс. Серая дама не верит мракоборцу, так как уже слышала подобные обещания, но от другого мальчика – Волан-де-Морта. Однако Гарри внушает ей доверие, и Елена открывает ему тайну. Теперь он знает, где диадема, в которой спрятан осколок души Тёмного Лорда. Именно так герой заключает мистический брак с богиней.

Этап «Инициация», стадия «Женщина как искусительница».

На этой стадии герой оказывается перед соблазном. Необязательно он соблазняем женщиной. Герой может быть искушаем богатством, славой, местью – словом, чем-то, что его

недостойно. Начинается эта стадия со сцены, в которой действуют друзья Гарри. Рон вручает Гермионе клык василиска, и она пронзает крестраж, заключённый в чаше Пенелопы Пуффендуй. Волан-де-Морт содрогается. Его агония передаётся Гарри.

Тёмный Лорд понимает, что тянуть больше нельзя. Собравшись с силами, он разрушает купол, защищающий школу Чародейства и Волшебства. Тёмные силы атакуют Хогвартс и прорываются. Завязывается бой. Обе стороны несут потери. Малфой, Блейз Забини и Грегори Гойл проникают в Выручай-комнату. Там же оказывается и Гарри. Он обнаруживает диадему, но завладеть ею ему мешает Малфой. Рон и Гермиона успевают вовремя: завязывается поединок, во время которого Малфой и его сторонники устраивают пожар. Вот здесь-то и приходит время Гарри Поттера проявить себя. Лучшего повода отомстить Малфою не найти, но Гарри не таков. И ему удаётся устоять перед искушением: он спасает из огня Малфоя, а Рон – Блеза.

Уничтожен ещё один крестраж – диадема, пронзённая клыком ядовитого зме2я, летит в Адское пламя. Дверь в Выручай-комнату захлопывается.

Этап «Инициация», стадия «Примирение с отцом».

И «богиня», и «отец» – фигуры символические. Они могут быть заявлены в виде самостоятельных персонажей, а могут представлять собой некие драматические ситуации. Когда крестражи уничтожаются, боль испытывает не только воплощение мрака Волан-де-Морт, но и мракоборец Поттер. Ведь Гарри, а точнее его *эго*, является последним седьмым крестражем Тёмного Лорда. И *эго* мракоборца так же испытывает ужас перед небытием, как и *эго* Волан-де-Морта, существующее в виде нескольких крестражей.

Теперь для Поттера не секрет, где находится Великий тёмный волшебник, и Гарри знает, что очередной крестраж – это змея Нагайна.

Гарри с друзьями подслушивает разговор между Тёмным Лордом и Северусом Снеггом. Волан-де-Морт чувствует, что могущественная волшебная палочка – Бузинная Палочка – не принадлежит ему всецело. Бузинная Палочка будет беспрекословно исполнять волю того мага, который убил её предыдущего владельца. И чтобы вся сила Палочки перешла к Тёмному Лорду, он расправляется с Северусом, который убил Дамблдора. Смертельно раненный Северус Снегг успевает открыть Гарри всю правду, а точнее пролить слезу, которая, попав в Омут Памяти, расскажет эту правду за него, ничего не утаив.

Тёмный волшебник отзывает свою армию, и устанавливается

временное перемирие. Но Волан-де-Морту не терпится свести счёты с Гарри, и он назначает ему встречу в Запретном Лесу.

Поттер выливает слёзы Северуса в Омут Памяти. Теперь он узнаёт, что Северус больше жизни любил мать Гарри, но не сумел уберечь Лили. Она закрыла собой маленького Гарри, когда Волан-де-Морт вознамерился убить его. Лили умерла, а часть души Волан-де-Морта зацепилась за единственное живое существо, которое смогла найти, – Гарри. И теперь в урочный час мракоборец должен умереть от руки Тёмного Лорда. Только так удастся убить самого Тёмного волшебника. Узнав всё это, Гарри глубоко поражён. Он примиряется с Северусом, со своим духовным отцом, которого считал своим недругом.

Попрощавшись с Гермионой и Роном, Поттер отправляется в Запретный Лес. Он готов умереть, он готов принести себя в жертву. Или ещё не готов? Благодаря Воскресающему камню, Гарри удаётся напоследок увидеться со своими родителями и наставниками. Мать и отец гордятся им. Они верят в него. Они не бросят его. Они дают ему силы, они готовят его к смерти. Без подобного примирения, *примирения с* символическим *отцом*, герой не отважится сразиться с самым главным противником, со своим *эго*. Вот только *эго* Гарри Поттера воплотилось в Волан-де-Морта, так же, как часть *эго* Тёмного волшебника перешла на Гарри Поттера.

Этап «Инициация», стадия «Апофеоз».

Апофеоз – это символическая смерть героя. Гарри ещё не знает, о какой смерти идёт речь, но он не станет цепляться за свою жизнь, если она окажется главным условием существования Тёмного Лорда. На стадии *Апофеоза* должно умереть *эго* героя, только в этом случае *Инициация* будет завершена и родится существо духовное.

Гарри приближается к Тёмному Лорду и его свите. Назад пути нет. Тёмный волшебник произносит смертоносное заклинание «Авада Кедавра!», и Гарри замертво падает на землю.

Этап «Инициация», стадия «Вознаграждение в конце пути».

На этой стадии герой вознаграждается за свою решительность и мужество. В фильме это сделано очень своеобразно. Поттер не умирает. Он попадает в некое залитое светом помещение, напоминающее вокзал «Кингс-Кросс». Под скамьёй он обнаруживает своё издыхающее *эго* в виде лежащего в позе эмбриона старичка. Вот он – седьмой последний крестраж Волан-де-Морта. От профессора Дамблдора Поттер узнаёт, что был крестражем, который Тёмный Лорд не собирался создавать.

Этап «Возвращение», стадия «Отказ от возвращения».

Гарри решил, что он на вокзале и профессор говорит, что в

этом случае у него есть полное право сесть на поезд и покинуть это место, направившись «дальше», что и означает *отказ от возвращения*. Или он может вернуться и завершить начатое. Поттер спрашивает профессора, что ему делать. Но на этот вопрос способен ответить только сам герой. И Гарри Поттер возвращается в мир. Он снова в Запретном Лесу. Он лежит на земле. Мать Драко Малфоя, узнав от Гарри, что её сын Драко жив, удостоверяет всех, что Гарри Поттер мёртв.

Этап «Возвращение», стадия «Волшебное бегство».

В замок несут тело Гарри. Он на руках лохматого лесника Хагрида. За ними следует огромная процессия. А возглавляет её Волан-де-Морт, рядом с которым увивается змея-крестраж Нагайна. Тёмный волшебник требует полной капитуляции от сторонников Гарри, но они не собираются сдаваться, и Гарри оживает. На него снова начинается охота тех волшебных сил, которые, пытаясь уничтожить его, помогали ему духовно родиться. Гарри должен вернуться к жизни, чтобы донести до людей дар, который он приобрёл. Что это за дар? Готовность освободиться от *эго*. Согласно Кэмпбеллу, *эго* есть наш демонический двойник.

Начинается невероятная дуэль между мракоборцем, освободившимся от *эго*, и Тёмным магом, который и не собирается отказываться от своих безграничных притязаний. Но пока змея Нагайна жива, Гарри не может победить Волан-де-Морта.

Этап «Возвращение», стадия «Спасение извне».

Поттер нуждается в помощи, в *спасении извне*. Гермиона и Рон не смогли одолеть змею, но Невилл Долгопупс, оказавшийся рядом, мечом Гриффиндора обезглавливает Нагайну. В Невилле воплотился сам дух Хогвартса. Каждый внёс свой вклад в победу над властолюбием. И если бы не этот, почти безымянный герой, то Тёмного мага не удалось бы одолеть.

Этап «Возвращение», стадия «Пересечение порога, ведущего в мир повседневности».

Следующую сцену можно назвать кульминационной. Гарри и Волан-де-Морт снова скрестили волшебные палочки. Кто же победит? Вот как звучит кульминационный вопрос. Нам очень хочется, чтобы победил Гарри Поттер, который был готов пожертвовать собой ради друзей. К тому же Бузинная Палочка признала своего хозяина в Поттере, а не в безносом маге. Да, Гарри берёт верх над Тёмным чародеем, и Волан-де-Морт рассыпается в прах. Гарри вернулся, он переступил *порог мира повседневности*. История подошла к концу. Хотя ещё и не закончена.

Этап «Возвращение», стадия «Властелин двух миров».

Гарри с друзьями на полуразрушенном мосту. Поттер стал властелином волшебного мира. А как насчёт обычного? Он вертит в руках Бузинную Палочку. Не осталось никаких сомнений в том, кто её хозяин. Это открытие невероятно вдохновило бы Поттера ещё вчера, но сегодня он вырос. Детство закончилось. И, сломав самую могущественную Палочку на свете, Палочку, которая дарует неуязвимость, Гарри вступает во взрослую жизнь. Заодно он приглашает в неё своих друзей Гермиону и Рона. Мечтам о неуязвимости положен конец. Теперь уязвимость станет сокровищем, которому дети пока ещё не знают цены, но знают взрослые, умеющие любить.

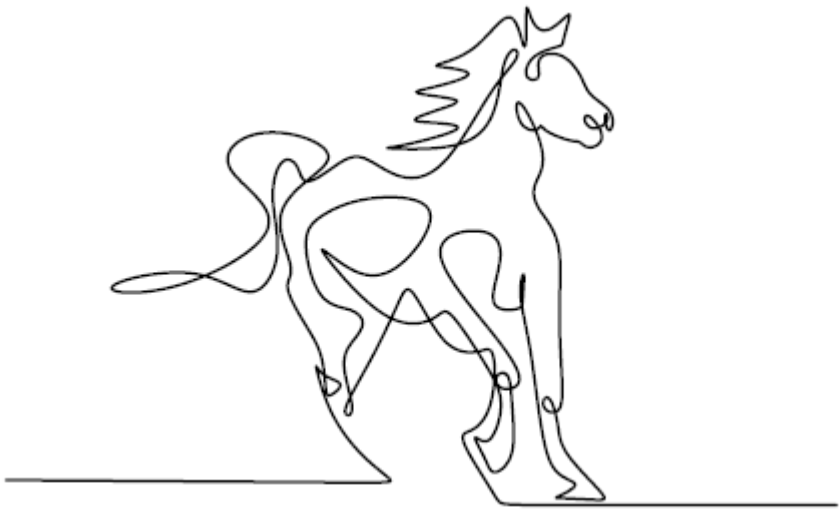
Любовь приходит в жизнь Гарри, Гермионы и Рона, приходит истинное волшебство, в котором, конечно же, не сразу, но постепенно сгорает наше бузинное эго. Сломав Палочку, Гарри доказал, что он не раб своих желаний.

Этап «Возвращение», стадия «Свобода жить».

Прошло девятнадцать лет. Наши герои выросли и обзавелись семьями. Их дети едут в Хогвартс. Мы видим Гарри Поттера, Гермиону Грейнджер и Рона Уизли на вокзале. Они освободились от бремени грёз и фантазий о своей неуязвимости, которым отдали должное сполна. Они научились наполнять свой день реальными переживаниями и жить здесь и сейчас, а не в вымышленном мире…

Попробуйте вместе со своими детьми посмотреть восьмой, заключительный фильм о Гарри Поттере, задействовав кэмпбелловскую оптику. Печенюшки приветствуются. Как и чашечка имбирного чая с облепихой и корицей.

Иванушка-дурачок против Супергероя



Какие киноистории любят дети всех возрастов? Конечно же, те, где есть герой, которому стремишься подражать. А кому хочется подражать? Доброму и сильному. Тому, кто защищает слабых и не побоится бросить вызов могущественному злодею. И когда добрый, сильный герой победит, не только дети, но и все мы с облегчением переведём дух. Подражать доброму и сильному вдвойне приятнее, зная, что его голову украсит венок победителя. Таков Супергерой всех времён и народов.

Под Супергероем я подразумеваю не только популярных персонажей американских комиксов, таких как Чёрная Пантера, Чудо-Женщина, Тор, Доктор Стрэндж, Дэдпул, Человек-паук, Халк, Бэтмен, Супермен или Железный человек. К Супергероям относятся и Одиссей, и Гильгамеш, и король Артур, и Робин Гуд, и Зорро, и Джеймс Бонд, и Индиана Джонс, и офицер полиции Джон Макклейн из «Крепкого орешка», и даже граф Монте-Кристо с Шерлоком Холмсом. Актёр Джеки Чан, обречённый эксплуатировать образ Супергероя, как-то признался: «Иногда мне хочется сыграть негодяя. Тогда наконец появится первый фильм, в котором меня убьют». Не следует ли из этого, что убивать супергероев правило дурного тона? Только если они сами решат принести себя в жертву.

Именно так поступает Терминатор в фильме Джеймса Кэмерона «Терминатор 2: Судный день»: герой Шварценеггера

растворяется в чане с расплавленной сталью. Отдаёт себя на заклание и царь Леонид из картины Зака Снайдера «300 спартанцев»: спартанский царь предпочитает смерть на поле боя рабству и позору. Обратим внимание на то, что, принося себя в жертву, Терминатор поступает точно так же, как Гарри Поттер, позволивший Волан-де-Морту убить себя на стадии «Апофеоза». В голове Терминатора Т-800 находится последняя микросхема, которую мы вправе уподобить крестражу. Если её не уничтожить, то угроза для человечества как вида останется.

И бывает очень досадно, когда герой, которого мы полюбили и даже начали ему подражать, вдруг захлебнётся в пучине страстей и нравственно погибнет. Такова участь центрального персонажа первых эпизодов «Звёздных войн» Дарта Вейдера, перешедшего на Тёмную сторону Силы. Но рыцарь-джедай Дарт Вейдер представляет собой, скорее, исключение.

Все экранные супергерои являются зашифрованным посланием, смысл которого таков: обязательно найдётся Герой, который всех спасёт. Вот почему герой-Супермен меньше чем на спасение Вселенной не согласится. Впрочем, этот вымышленный сверхчеловек всё чаще пытается походить на нашего знакомого. Особенно в этом преуспел Человек-паук Питер Паркер в исполнении английского актёра Тома Холланда. Мировая премьера супергеройского фильма «Человек-паук: Нет пути домой» состоялась 13 декабря 2021 года, но стала не только самой кассовой картиной уходящего года, но и шестой самой успешной в истории. Однако, даже если между нами и Суперменом имеется внушительная дистанция, его действия нам понятны, ведь ничто человеческое сверхчеловеку не чуждо. К тому же он всегда готов к решению насущных проблем.

Итак, Супергерой может быть Суперменом. Не иконой американской культуры с эмблемой в виде треугольного щита, по центру которого расположена буква «S», а собирательным образом вымышленного сверхчеловека. Но Супергерой может и не быть Суперменом. Другое дело, что порою Супергерой, не имеющий сверхъестественных способностей, ведёт себя так, как будто он ими наделён. Ничто его не берёт. Ни пули, ни огонь, ни вода. Упомянутый нами Джеймс Бонд состоит из крови и плоти, он один из нас, но геометрически точная траектория всех движений «агента 007» делает его, как и всех бондинианствующих персонажей приключенческого жанра, просто каким-то бессмертным. Да, они могут принести себя в жертву, даже «агент 007» идёт на это в фильме «Не время умирать», но супергерои не могут погибнуть в результате какого-то своего просчёта. Эти ребята не ошибаются.

Я сказал, что детям всех возрастов хочется подражать доброму и сильному герою, но не простачку. Ведь Супергерой – это всегда игрок. Он может и передёрнуть, важно, чтобы его слово оказалось решающим, а ход – последним.

Существует ли другой тип героя или бродячий образ не меньшей, а возможно, и большей притягательности, который мог бы противостоять персонажу сверхчеловеческого типа? Думаю, что да. И это – Иванушка-дурачок.

Я говорю сейчас не столько о легендарном персонаже волшебной сказки – глупом и удачливом младшем брате, встречающемся в устном творчестве не только европейских народов, но и в фольклоре всех народов мира, сколько о ключевом персонаже русской культуры. И дети, и взрослые любят его не меньше, чем того, кто убеждён в своём физическом или интеллектуальном превосходстве.

Дурак не заносится. Он не боится быть смешным. Может ли он погибнуть в результате просчёта? Нет. Но не потому, что всё учёл, а потому что вообще не считает. Он уповает на то, что кривая вывезет, полагается на авось. Наконец – живёт одним днём. Но взойти на свою Голгофу Иванушка-дурачок готов. Хотя отношение окружающих к его жертве будет всегда двусмысленным. Зачем? Он дурак, что ли? Да, он – Дурак. Вопрос «Зачем?» в отношении Супергероя никогда не встанет. Если Супергерой приносит себя в жертву, то по-другому было нельзя.

Герой-Дурак всегда немножечко философ, но он никогда не философствует молотом, в отличие от Супергероя.

Супергерой часто мыслит рационально-прагматически и всегда линейно-героически. Тем самым он невольно огрубляет жизнь до некой вымороченной модели. Ну, а затем обкарнывает Бесконечную Действительность по заранее приготовленному шаблону наших ожиданий. Мы ждём от Супергероя свершений и подвигов. Скорее, он призван поражать наше воображение, чем преображать нашу душу.

Иное дело Иванушка-дурачок. Будучи предтечей юродивых, он, сделавшись в христианскую эпоху одним из них, прошёл через их школу и отскочил от фигуры юродивого, как искра от костра. Само его существование становится призывом к преображению. Вот почему, мне кажется, есть все основания противопоставить один устоявшийся тип героя другому типу.

Русская классическая литература никаких иллюзий относительно Супергероя не питала. Она просто в него не верила. И он как-то всё не удавался ей. Некоторые коррективы внёс Борис Акунин, создав образ Эраста Фандорина. Но романы о супермене Фандорине было бы справедливо отнести к «лёгкому чтению».

Эраст Петрович – герой беллетристического толка, то есть персонаж развлекательной литературы. Русская классическая литература не верит в Супергероя потому, что он невольно исповедует религию успеха. Так что же, быть успешным плохо?

Это непростой вопрос. Максим Горький назвал Ивана-дурака «ироническим удачником», то есть удача и Дураку не помешает. И не только удача, но и успех. В конце волшебной сказки Иван часто становится обладателем всех «земных благ». Но я уверен, что буквально это понимать нельзя. Иван-дурак не настолько глуп, чтобы собирать себе сокровища на земле. Ведь он не от мира сего. Он в некоторой степени жрец. А в поле христианской культуры он, конечно же, почти всегда скрытый апостол. Перефразируя апостола Павла, можно сказать, что ключевой герой русской культуры одарён небесной мудростью, которая является безумием для мудрости земной. Не удачу и успех ставит Дурак во главу угла, а нравственную победу, которой бряцать нечем.

В одной из своих работ русский мыслитель Константин Леонтьев заметил: «Всем лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже… вот единственно возможная на земле гармония!» Супергероя с его подростковым максимализмом подобная философия устроить никак не может. Он сделает всё, чтобы кому-нибудь стало ещё хуже, а кому-нибудь значительно лучше. Вот тогда и наступит «гармония». Супергерой – это наша психологическая установка на быстрое и эффективное решение любых проблем. А британский японист Реджинальд Блайс сказал: «Дзен не про то, как выигрывать, а что всё равно, выигрывать или проигрывать». Услышав такое, Бэтмен и Шерлок Холмс вздрогнули бы. Ведь сверхчеловек, превосходящий окружающих в силе, храбрости и хитрости, нацелен только на победу. А иначе к чему все его сверхчеловеческие способности? Он пришёл в этот мир не для того, чтобы стереть разницу между победой и поражением.

Вернёмся к такой разновидности Супергероя, как собирательный образ вымышленного персонажа комикса, потому что концепция героя-победителя содержится в нём в беспримесном виде. Супермен руководствуется исключительно деятельностной установкой, и он не отталкивает своим внешним видом. А Герой-Дурак вечно лежит на печи грязный и оборванный. Явившись в царские чертоги, Дурак и там находит печку. Мало того, он за неё «забивается», хотя пришёл свататься к царёвой дочке. Тем временем она выбирает себе жениха. Подносит всем вино и украдкой глядит: он – не он? Заглядывает за печку и обнаруживает дурака, который имеет крайне не

героический вид. Голова его завязана какой-то «тряпицей», и больше он похож не на мужчину, а на несмышлёное дитяти. Вывела его Милолика-царевна, утёрла платком, поцеловала и говорит: «Государь батюшка! Вот мой суженый». Таким предстаёт Герой-Дурак в русской сказке «Свинка золотая щетинка».

Из этой же сказки мы узнаём, что младший сын, коего называют дураком, после смерти отца бодрствует ночью на его могиле – таков наказ родителя. Мертвец, или предок, появляясь из земли, спрашивает: «Кто сидит?» – «Я, батюшка, – дурак». – «Сиди, моё дитятко, Господь с тобою!» Другими словами, Герой-Дурак устанавливает связь с миром мёртвых. Он словно бы стоит на плечах своих предков. Корни его личности простираются в глубь веков. Вот откуда он черпает свою силу – из дружбы с беспредельным. Сам же зачастую тщедушен или напоминает ребёнка с его непосредственностью.

А на чьих плечах стоит Супермен? Мы не ошибёмся, если скажем, что он продукт индивидуалистической культуры со всеми её преимуществами и недостатками. Он сам с усам. Один в поле воин. Хотя последний супергеройский фильм «Человек-паук. Нет пути домой» доказывает, скорее, обратное. Жанр эволюционирует. Супермены лечат и просветляют друг друга, а не только самоутверждаются за счёт друг друга. И они учатся играть в команде.

За верную службу покойный родитель одаривает сына-дурака чудесным конём. «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой». В какой-то мере «батюшкино благословение» наделяет Дурака сверхспособностями, которыми обладает Супергерой. И платье-то на нём цветное, и такой мóлодец, что «ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать». Именно в таком облике он и предстаёт впервые перед царевной, срывая с её уст поцелуй. Волшебному коню ничего не стоит допрыгнуть до третьего этажа царского терема.

Эту сцену запечатлел художник Василий Васнецов в картине «Сивка-бурка». Общий нежно-сиреневый тон живописного полотна контрастирует с разлетевшимися полами зелёного кафтана удальца. На Иване красные сапожки и вишнёвая шапка. Вот почему Милолика-царевна останавливает свой выбор на нём: она признала Ивана. Разглядела в нём того самого мóлодца. И нет в мире такой задачи, которую Дурак не смог бы решить. Однако всё-таки не он решает эту задачу. Она через него решается. Не он автор решения этой задачи, а тот поток творчества, тот огонь, что творит саму жизнь. Не запечатлён ли этот огонь в образе Древа жизни из Книги Бытия? Вот и печь, на которой Дурак лежит, что-

то знает об этом творящем огне. Она – «батюшкина могила», на которой он бодрствует, она – поле, которое кормит и живых, и мёртвых. И конечно же, печь является аллегорией Мирового Древа, порталом, соединяющим поколения, центром не только дома, но и мира.

Исследователи русской культуры не раз указывали на то обстоятельство, что Иван-дурак живёт не своим «бессильным разумом», а полагается на «Божью волю». Божья воля и ставит предел его желаниям, всему поверхностно-суетному в его желаниях.

Супермен в отличие от Дурака, часто опирается на научную картину мира, чем в некоторых случаях и объясняются его сверхчеловеческие способности: двигает прогресс, осваивает передовые технологии. Антиподом же Супермена является певец хаоса и иррационализма, некая демоническая или хтоническая фигура, не уступающая ему в мощи. Но в любом случае Супермен, а шире Супергерой, постоянно барахтается в водовороте бесконечных требований некоего трудно описуемого чувства. Оно выражается в ложной и зыбкой, колоссальной и невозможной претензии на то, чтобы занять место демиурга. Супергерой не столько един с жизнью, сколько одержим идеей её взнуздать и оседлать. Он метит в верховные арбитры. Он готов вершить суд, безусловно, с его точки зрения, справедливый.

Супергерой соотносит себя с Божьей волей, ведь мы сейчас всё-таки говорим о человеке, а не о вымышленном персонаже комикса. Однако как соотносит? Супергерой принимает свою собственную волю за Божью волю, но не доходит до той глубины, на которой Божья воля человеком угадывается, что и составляет саму суть беспрецедентного духовного творчества. Дурак же на этой глубине живёт.

Вот почему Иванушка-дурачок, имея в себе супергеройские черты, никогда не станет Супергероем. А последний, даже когда он крайне глупо и нелепо выглядит, когда всё идёт вкривь и вкось, никогда не станет очарованным странником Иванушкой-дурачком.

Фильмы, обязательные к просмотру

Почему бы нам не поговорить с детьми о главном персонаже развлекательного направления литературы и кино – Супергерое? А затем сопоставить его с Иванушкой-дурачком как ключевой фигурой русской культуры. Мы можем начать с фольклорного бытования этой фигуры, но неизбежно придём к Иванушке-дурачку как собирательному образу положительного героя классической русской литературы. А затем попробуем подобрать кинематографические примеры, которые помогут сравнить два типа диаметрально противоположных героев и выявить тип, максимально приближённый к реальной жизни. Позволь, дорогой читатель, предложить твоему вниманию следующие фильмы.

«Белое солнце пустыни» (1970), «Афоня» (1975), «Тот самый Мюнхгаузен» (1979), «Сталкер» (1979), «День сурка» (1993), «Форест Гамп» (1994), «Как приручить дракона» (2010), «Человек-паук. Нет пути домой» (2021). Прибавим к ним ещё те картины, которые мы уже разобрали или которых лишь коснулись: «Матрос Чижик» (1955), «Доживём до понедельника» (1968), «Солярис» (1972), «Конёк-Горбунок» (1975), «Зелёная миля» (1999), «Гарри Поттер. Дары Смерти. Часть 2» (2011), «Душа» (2020).

Ограничимся пятнадцатью картинами. Но пусть это будет список фильмов, обязательных к просмотру. Конечно, он мог бы быть и другим. Странно было бы на нём настаивать. Однако вот что я думаю. Если посмотреть или пересмотреть эти фильмы вместе с детьми, то мог бы завязаться разговор, затрагивающий саму суть наших друг с другом отношений. Почему? Потому что

Герой-Дурак всегда раскрывает своё сердце. Он обладает той пластичностью интуитивного знания, помогающего всё постигать мгновенно, которая превышает возможности сугубо интеллектуального понимания. Чтобы частное досмотреть до Целого, а мёртвое – до Живого, нужно самому быть Живым и Целым. В этом смысле Дурак и жив, и цел. Мёртвым я называю то, что гордится своими границами и видит себя преимущественно в перспективе некой фантастической отделённости от целостного Бытия.

Черты супермена присущи пустобрёху и цинику Филу Коннорсу из комедии Гарольда Рамиса «День сурка». Амбициозный и заносчивый телеведущий вынужден застрять в одном дне и прожить его едва ли не десять тысяч раз для того, чтобы пройти школу Героя-Дурака. В фильм же попали лишь сорок два дня. Эгоист Фил ведёт работу по расширению и углублению своего сердца. Сердце героя растёт внутри остановившегося времени или временно́й петли, переходя далеко за свои суперменские границы. Урок усвоен, и лист календаря можно перевернуть.

Как я уже сказал, не только у сверхчеловека, но и у персонажа русской сказки имеется волшебная сила. Вот только она, повторюсь, иной природы. Герой-Дурак обретает её благодаря своему большому сердцу. Его духовное сердце подобно пространству, которое вмещает в себя всё. Абсолютно всё. Причём волшебная сила находится не где-то вне его во внешнем мире, она живёт в бездонной глубине его сердца. Сердце Дурака нигде не кончается, поэтому и не начинается то, что мы могли бы назвать внешним миром. «Всё во мне, и я во всём!» напишет Тютчев.

Один из моих любимых персонажей в сказках Зинаиды Миркиной – мудрец по имени Оль. Так вот Оль не знает, где он кончается, а всё другое начинается. Оль живой и всё живое, а живое нельзя разрубить на куски. Это только Волан-де-Морт рубит на куски свою живую душу.

Супергерой проводит чёткую границу между собой и миром, и поэтому ему приходится что-то с этим миром всё время *делать*. Дурак же просто живёт. И конечно же, он действует, и действует весьма эффективно, однако он не отделяет себя от мира. Дурак несёт на своих плечах все ноши мира, но при этом живёт одним днём.

Супергерой всегда противопоставлен миру, с несовершенствами которого он борется. Или он выступает в амплуа Суперзлодея. Таковы все джокеры и бог Танос кинематографической вселенной Marvel. Последнему сопутствует

такое устрашающее описание: «С космическим огнём в венах и кровью миллионов миров, капающих с его пальцев. Со всей бесконечностью, дрожащей перед ним. Со смертью, которая всегда является его ближайшим компаньоном. Танос Разрушитель вернулся домой». Обратим внимание на то, что перед Суперзлодеем дрожит сама «бесконечность». Кем же он себя возомнил? Хозяином бесконечности? Но он ничего о ней не знает. Бесконечность – это сердце, не имеющее границ, это тайна, которой является каждый человек на своей бесконечной глубине. Иван-дурак перед этой тайной замирает, подобно очарованному страннику, а Суперзлодей, как, впрочем, и Супергерой, – не замирают: у них просто нет на это времени. У этих двоих из ларца неодинаковых с лица очередное светопреставление по расписанию.

Режиссёр Андрей Тарковский сетовал на то, что технический прогресс в своём неуклонном движении вперёд сильно опередил прогресс нравственный. До некоторой степени «человек из стали» с ослепительной «голливудской улыбкой» выступает сдерживающим фактором обезумевшего прогресса. Ведь он руководствуется концепцией блага. Но что есть благо? Да, Супермен истребляет преступность, но её же методами; он вкладывает деньги в ядерную науку, чтобы сэкономить земные ресурсы, но сам же и развязывает Третью мировую войну. Таков Озимандий, персонаж комикса «Хранители» и одноимённого фильма, снятого по нему режиссёром Заком Снайдером. Озимандий скроен по лекалам ницшеанского Сверхчеловека. Сначала он примеряет на себя лавры Александра Македонского, потом Рамзеса II. Увы, но от Супергероя до Суперзлодея рукой подать. Герой-Супермен всегда в шаге от того, чтобы совершить преступление против человечности. Из-за амбициозного Озимандия начинается война, в которой гибнут миллионы, чтобы выжили миллиарды. И всё это происходит с негласного одобрения другого человека-колосса – доктора Манхеттена. Принципы Супермена – это принципы индустриальной цивилизации, которая считает, что «цель оправдывает средства». У культуры же, если её духовные корни не подрублены, иное мнение. Есть черта, которую переступать нельзя. И выразителем этого мнения, на мой взгляд, является Герой-Дурак.

Дурак, к слову сказать, может быть и интеллектуалом высочайшей пробы – таков Писатель из «Сталкера». В «Зону» он едет спиной к движению, подобно Ивану, который оседлал кобылицу задом наперёд. Писатель задаёт глупые вопросы, на которые никто не спешит отвечать. По-дурацки ведёт себя и в «Зоне». Прикладывается к бутылке, отказывается выполнять

инструкции проводника. И только в конце становится ясно, что персонаж Анатолия Солоницына, пожалуй, единственный, кто разгадал загадку «комнаты желаний».

Дурак может быть и сочинителем сущих небылиц. Вспомним барона Мюнхгаузена. Драматург Григорий Горин создал удивительный образ барона, а актёр Олег Янковский с отважной беззаботностью воплотил его на экране. Фильм Марка Захарова «Тот самый Мюнхгаузен», на мой взгляд, этапный в творчестве режиссёра. Герой Янковского большой фантазёр, но его фантазии безобидны. Если на что барон и покушается, то только на образ Супергероя, в который друзья и враги хотят его заковать, словно в доспехи. Его желают сделать сверхнеуязвимым, а он требует засыпать в пушку сухой порох и отправляется в страну, где никогда не врут.

Герой-Дурак может быть и человеком искусства. Музыкант Джо Гарднер из мультфильма «Душа» эксплуатирует амплуа Дурака на полную катушку. Сначала он проваливается в люк, потом превращается в говорящего кота. И под занавес истории ему везёт так, как может повезти только дураку: Джо возвращается с того света.

Я не стану идеализировать фигуру Дурака. В его поведении тоже прослеживается своя инерция. Сантехник Борщов из трагикомедии Георгия Данелии «Афоня» – одно из блестящих экранных воплощений образа Иванушки-дурачка. Но герою Леонида Куравлёва придётся наломать много дров, прежде чем он найдёт своё счастье. В финале фильма сама «царь-девица» явится к Афоне. «Афанасий!» – позовёт его Катя Снегирёва, и герой обернётся, как набедокуривший школьник, которого вдруг ласковым голосом окликнула мать. Современный подросток, скорее всего, удивится: что нашла Катя в Борщове? На кой он ей, извините, сдался? Почему она к нему липнет? Да потому что Катя Снегирёва угадала в дураке Борщове былинного богатыря, она видит его красивую, хотя ещё и не созревшую для любви душу, и приложит немало усилий, чтобы высвободить дремлющую в её избраннике силу.

Далёк я и от того, чтобы подвёрстывать всю американскую культуру под образ Супермена. В полнометражном мультфильме «Как приручить дракона», снятом режиссёрами Крисом Сандерсом и Дином Деблуа, рассказывается о дружбе мальчика и монстра. Хилый подросток Иккинг – новое воплощение Иванушки-дурачка. Иккинг не такой, как все: он неполноценный среди сородичей, но именно он меняет к лучшему жизнь племени. Викинги начинают ладить с драконами, или, говоря языком психоанализа, благодаря Герою-Дураку конфликт между сферой сознательного (мир

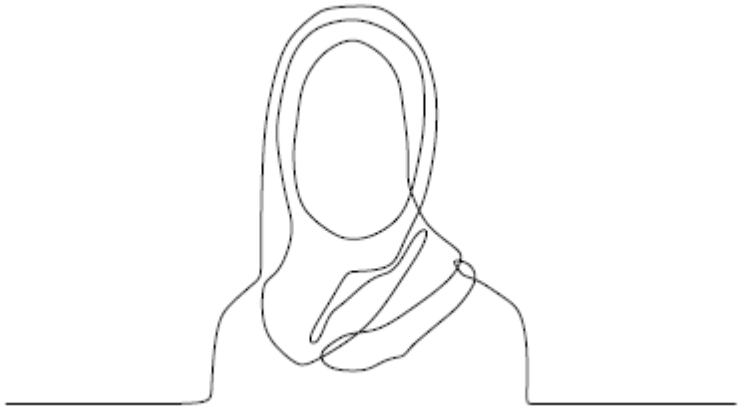
людей) и бессознательного (мир драконов) сглаживается. Имеется у Иккинга-дурачка и свой Конёк-Горбунок в лице таинственной крылатой рептилии Ночная Фурия. И только став целостным, то есть подружившись с Ночной Фурией, герой-подросток побеждает свой главный страх, воплотившийся в фигуре мегадракона Красная Смерть.

Имя Форрест Гамп созвучно с английским выражением forest gump, что переводится как «лесной болван». Намёк недвусмысленный. Режиссёру Роберту Земекису удалось создать образ поистине незабываемый. Его Герой-Дурак сорвал шесть премий «Оскар» и триумфально прокатился по всему миру. Умственно отсталый Форрест обладает незаурядными человеческими качествам. Он подобен птичьему пёрышку, которое ветер несёт, куда вздумается. Персонаж Тома Хэнкса и не сопротивляется, вручив свою судьбу провидению.

Способен ли Супергерой созерцать закат? Вероятно, да, но, скорее всего, он очень быстро перейдёт к позированию на фоне заходящего солнца. А вот Иванушка-дурачок закатом мог бы любоваться. Ведь он никуда не спешит. В сказке «Конёк-Горбунок» Иван звёзды считает. Вот почему и подвиг свой не проспит. Укротив златогривую кобылицу, он получит в дар беззаветного друга – Конька или свою собственную душу.

Если Гарри Поттер не сломает волшебную палочку, он рано или поздно превратится в нового Волан-де-Морта, то есть откажется быть взрослым, отвергнет бесценный дар взросления. Ведь Тёмный Лорд – это квинтэссенция подросткового бунта. Сломав Бузинную Палочку, Поттер поступает как дурак и одновременно – мудрец. Гарри перестаёт быть Супергероем. И становится самим собой.

Фёдор Сухов и Питер Паркер



Почему в русской сказке солдат, возвращающийся домой, всем помогает? Да потому что он не только царю служит. Он служит людям, служит Отечеству, и часто он оказывается на самых дальних его рубежах. Конечно же, это не обычный солдат. Это, если угодно, очарованный странник, неизбывный лесковский Иван Флягин, который всё претерпевает на своём веку, но не роет глазами землю в поисках ответа, а возводит их к небу.

Вспомним, какие письма пишет герой «Белого солнца пустыни» своей супруге. «Ещё хочу сообщить вам: дислокация наша протекает гладко, в обстановке братской общности и согласия. Идём себе по пескам и ни о чём не вздыхаем, кроме как об вас, единственная и незабвенная Катерина Матвевна. Так что вам зазря убиваться не советуем. Напрасное это занятие». Ну как не назвать Сухова странником-созерцателем, хотя, конечно же, он и боец, да ещё какой! «Боец за счастье трудового народа всей земли».

Приключенческая лента Владимира Мотыля, вышедшая на экран в 1970 году, имела огромный успех. Фильм «Белое солнце пустыни» занял второе место в прокате, уступив эпопее Юрия Озерова «Освобождение», и его посмотрело пятьдесят миллионов советских зрителей. К блестящему сценарию Валентина Ежова и Рустама Ибрагимбекова приложил руку режиссёр театра и кино Марк Захаров, сочинивший письма Сухова.

Фёдор Иванович не столько красноармеец, возвращающийся домой из дальнего похода, сколько, как уже было сказано, персонаж волшебной сказки – солдат Иван, или Иванка. Воевал солдат честно, заработал «синий билет», и казалось бы, отдал свой долг сполна, но оказывается, служба не закончилась. Дорога

домой превращается в новое испытание. Сохранил ли герой живую душу? Вот вопрос, который ставит сказка. Если сохранил, то домой вернётся живым.

Первый, кто попадается Сухову, – зарытый в песок пастух Саид. Проявляя сострадание, Фёдор откапывает обречённого на смерть человека. И делится с ним, можно сказать, последним – водой, крупой, отдаёт нож. Вскоре на голову Сухова сваливается и новая забота – доставить в Педжент «группу товарищей с братского Востока», читай – гарем басмача Чёрного Абдуллы. Под начало Сухова поступает молодой красноармеец Петруха с вечно заедающей винтовкой. Казалось бы, Фёдор Иванович связан по рукам и ногам, но он не унывает.

Как отмечали исследователи, персонаж Анатолия Кузнецова не герой вестерна. В нём запечатлён глубоко национальный русский характер, отобразившийся в фольклоре. Другими словами, перед нами храбрый служивый, восходящий к бессмертному образу Иванушки-дурачка, который выйдет сухим из любой воды. Не потому ли Сухов? Он побеждает не столько благодаря сноровке и удали, всё-таки перед нами бывалый солдат, сколько благодаря чувству юмора, уравновешенности, рассудительности, уважительному отношению к чужой жизни и удивительному чувству собственного достоинства. Он помогает, не задумываясь, и принимает единственно верное решение, находясь в безвыходной ситуации.

На плакате к фильму «Белое солнце пустыни» художник Мирон Лукьянов изобразил Фёдора верхом на коне, невольно уподобив его ковбою. Но обратим внимание на то, что боец Туркестанского фронта Сухов так ни разу коня и не оседлал. Фёдор Иванович прочно стоит на земле. Даром что она всё время струится под его ногами сарыкумским песком. Я уподобил его страннику и пойду ещё дальше. Согласно словарю Ожегова, «странник» – это «человек, идущий пешком на богомолье». Вот только Сухов путь держит в светлое будущее.

«Белое солнце пустыни» картина непростая. И не только потому, что «Восток – дело тонкое». Русская равнина тоже полна загадок. Заметим, что в образе, созданном авторами фильма, Иванушка-дурачок борется с Супергероем и побеждает первый. Письма Сухова работают на образ Героя-Дурака. Солдат, которого бросало по свету белому от Амура до Туркестана, выражается затейливо и обладает безусловным литературным даром. Попади ему в руки «гусли-самогуды», и они бы заставили всех пойти вприсядку. В своём стилизованном под письменную речь монологе, Фёдор косноязычен, но косноязычен обаятельно. «А ещё скажу вам, разлюбезная Катерина Матвевна, что являетесь вы

мне, будто чистая лебедь, будто плывёте себе, куда вам требуется или по делу какому, даже сказать затрудняюсь… только дыхание у меня сдавливает от радости, будто из пушки кто в упор саданул». Сухов так обращается к своей жене, как, с рядом, конечно же, существенных оговорок, средневековый рыцарь – к Прекрасной Даме. Не ради ли неё, воплотившегося на земле небесного идеала, он совершает подвиги? Разумеется, это идёт в разрез с конвенцией историко-революционного фильма. Не случайно студийное начальство обвиняло «Белое солнце…» в размытости жанровой принадлежности, что чрезвычайно усложнило судьбу картины. Режиссёр фильма признавался: «Чем больше я думаю о причинах этого непредсказуемого успеха одной из девяти сделанных мною картин, тем больше мне представляется, что я как бы исполнитель чьей-то воли, мне, так сказать, помогал, нерукотворно помогал Господь». Харизма героя, которого создал Мотыль, наложила отпечаток и на судьбу режиссёра, так как Герой-Дурак всегда исполнитель «Божьей воли».

Весьма любопытно ещё одно обстоятельство, которое роднит Сухова с героем русской сказки. Фёдор Иванович как бы скрывает до поры до времени от суженой, а в сказке это царская дочь, на которой женат Иван, свои подвиги. Не на жизнь, а на смерть он бьётся с бандой басмачей, а сам пишет письма в духе сельской пасторали. «Обратно пишу вам, любезная Катерина Матвевна, поскольку выдалась свободная минутка. И разнежился я на горячем солнышке, будто наш кот Васька на завалинке. Сидим на песочке возле самого синего моря, ни в чём беспокойства не испытываем. Солнышко здесь такое, аж в глазах бело».

В белорусской сказке «Солдат Иванка» герой отказывается идти на войну, когда его призывает жена, но затем, влезая в одно ухо волшебного коня и вылезая из другого, оборачивается богатырём-молодцем. В этом своём новом облике, не узнанный женой, он и одерживает победу над врагом. «Как махнёт мечом-кладенцом, так по правую сторону войско как мякина сыплется, а по левую – как солома, стелется». Точно так же ведёт себя и товарищ Сухов, кроша бандитов из пулемёта. В конце сказки жена увидит в своём муже, «простом солдате», настоящего богатыря и вся правда откроется. Нечто подобное происходит и в финале фильма. Ведь мы, как это ни странно, видим Фёдора Ивановича глазами Катерины Матвеевны, которые не раз появляются на крупном плане. И это конечно же взгляд особый. Это взгляд любви, в глубинах которого всё преображается. И лирическая интонация, как это ни удивительно, берёт верх над иронией. Может быть, ещё и поэтому истерн, который является

разновидностью вестерна, превращается в весьма своеобразную исповедальную ленту. Причём исповедуется не отдельно взятый герой, а сама русская культура устами собирательного образа солдата-странника.

Я понимаю, насколько неожиданным может показаться сравнение таких картин, как «Белое солнце пустыни» и «Человек-паук. Нет пути домой». Но раз уж мы противопоставили Иванушку-дурачка Супергерою, то подобная аналогия вполне уместна.

Питер Паркер, сыгранный моложавым двадцатипятилетним актёром Томом Холландом в фильме 2021 года, – это Человек-паук, которого можно назвать младшим братом среди более старших супергероев, имеющих подобные сверхспособности. Перед нами аж целых три Человека-паука, три Питера Паркера, которые встречаются в пространстве одной картины. Только действуя сообща, они способны восстановить равновесие в мире. Персонаж Тома Холланда – этакий новый Иванушка-дурачок. Идея картины состоит в том, что молодой человек и его друзья бросают вызов миру взрослых, будь они добрыми чародеями и магами или сверхлюдьми, страдающими раздвоением личности; амбициозными главными редакторами газет-таблоидов или администраторами из массачусетского технологического института. Иванушка-дурачок со способностями супермена действует необдуманно и спонтанно, говорит под руку своему наставнику, когда тот произносит заклинание. Стивен Стрэндж даже с позором выставляет Паркера за дверь. Однако благодаря непоследовательности молодого человека, назовём его «глупым младшим братом», и заваривается вся каша, которую герою Тома Холланда и придётся расхлёбывать.

Потеряв свою тётю, Питер собирается отомстить Зелёному гоблину, из-за которого тётя Мэй и погибла, но в Иванушку-дурачка уже вложены «высокие моральные ценности», а значит, он должен сделать всё возможное, чтобы не превратить восстановление справедливости в месть, в сведение личных счетов. Вот перед каким выбором оказывается «младший брат». И во время решающей схватки с Норманом Озборном (в Нормане верх взяла тёмная сторона его личности – Зелёный гоблин) племянник тёти Мэй даёт шанс Озборну вернуться к лучшей версии самого себя. И, вместо того чтобы убить Нормана, Питер оказывает ему помощь, он «исправляет» злодея. В этом персонажу Тома Холланда помогают две другие версии Питера Паркера. То есть, оказывается, в Питере точно так же, как и в Нормане, борется добро и зло, или две ипостаси его личности – светлая и тёмная, вселенская и эгоистическая. И ко всеобщей радости,

побеждает вселенское начало его души, или безграничное сердце героя. Таким образом, восстанавливается не просто справедливость, а высшая справедливость. Вот почему рассеиваются грёзы о величии не только в душе Озборна, но и других незваных гостей – Электро, Песочного человека и Ящера. Доктор Осьминог прозрел раньше.

Кинематографическая вселенная Marvel оказалась достаточно дружелюбной и продемонстрировала высокую степень осознанности. Она предоставила шанс каждому из «гостей» духовно переродиться, что привело и к их физическому воскрешению. Судьбой им было предначертано погибнуть.

Судьба подобна линии на песке. Можно ли, не прикасаясь к ней, сделать её короче или превзойти её в силе? Да, можно. Для этого необходимо провести рядом линию длиннее, а это значит – провести линию, которая отразит в себе духовные устремления человека. Именно это и происходит в супергеройском фильме «Человек-паук. Нет пути домой». Путь домой всё-таки найден. И лежит он через сердце героя, который превозмог свой эгоизм. Да, племяннику тёти Мэй придётся принести в жертву память о себе в этом мире. Обнулятся не только все достижения Человека-паука. Питера не узнаёт ни его лучший друг Нед Лидс, ни его возлюбленная Эм-Джей. Однако нет худа без добра. Герой перестанет быть жертвой своей популярности. А с Эм-Джей, или Мишель, умной и красивой Мишель, Питер обязательно познакомится снова и ему снова предстоит завоевать её сердце.

Перед нами история обновления мира, если угодно – воскрешения его из мёртвых. Со всей очевидностью прослеживается и мотив экологического возрождения планеты. Все эти сверхлюди с их невероятными способностями подобны вулканам и океанам, солнечной энергии и земным ресурсам, с которыми мы должны научиться ладить, как и дружить друг с другом на уровне культур и цивилизаций. В связи с этим символично звучит наставление тёти Мэй: «С большой силой всегда приходит большая ответственность».

Парадигма уничтожения друг друга или потребительски-эгоистического отношения к природе хотя и медленно, но неминуемо отходит в прошлое. Долгое время Супергерой вне зависимости от его желаний был символом этой парадигмы, но постепенно ему на смену приходит мудрость, ближе всего к которой стоит фигура Иванушки-дурачка, как некоего ключевого героя не только отечественной культуры, но и нашей цивилизации в целом. Речь идёт, конечно же, об Иванушке-мудреце, но сам он себя не станет так величать, да и фольклорная традиция тоже, чтобы невольно не превратить его в очередного

идола, который потребует жертв. Герой-Дурак сам себя то и дело приносит в жертву, показывая каждым своим поступком готовность к ней.

Сухов препровождает скрывающихся под паранджой сказочных существ, словно бы сошедших со страниц «Тысячи и одной ночи», называя их не женщинами, а «группой товарищей с братского Востока». Он собирается даровать им новую жизнь, он их политически просвещает. По сути, Фёдор Иванович перековывает их в новую веру. Сам же он – апостол этой веры. В отличие от Паркера, который вводит лекарство Озборну, Сухов не станет «лечить» главаря банды. Но убивает он врага в честном поединке. Прежде чем выстрелить, Фёдор окликает Чёрного Абдуллу, тем самым давая ему шанс: Абдулла отменный стрелок. Лиши Героя-Дурака благородства, и образ будет мгновенно разрушен.

В фильме Мотыля мы имеем дело не только со сказочным, но и с былинным мотивом. Не главные ли герои русской былины перед нами? Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович. «Богатырская застава» превращается в дальние рубежи Родины, отсюда и экзотический пейзаж, и таможня, и близость границы. Не так уж и важно, кого из троицы – Сухов, Саид, Верещагин – какому из эпических богатырей мы уподобим. Хотя и напрашивается сопоставление Сухова с Ильёй Муромцем. Важно, что действуют «богатыри» сообща.

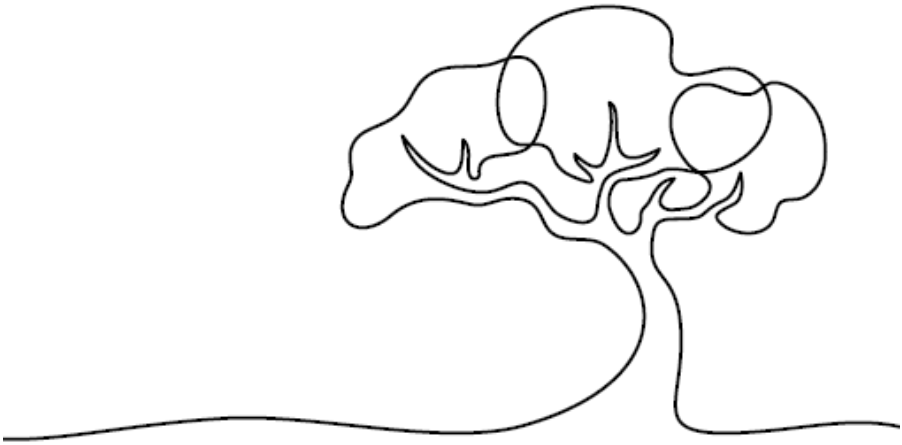
Из трёх больше всего соответствует статусу Супергероя воин Саид. Он соревнуется с Фёдором Ивановичем в невозмутимости и, пожалуй, в этом качестве даже превосходит Сухова, но Саиду не хватает той широты души, той отходчивости и той весёлой удали, без которых невозможен Иванушка-дурачок. Широк душой Павел Артемьевич Верещагин, и его могучая натура в полной мере раскрывается в картине. В герое Павла Луспекаева просыпается настоящий богатырь. Слова бывшего начальника таможни «Я мзду не беру. Мне за державу обидно» давно стали крылатыми.

Саид и Верещагин прекрасно оттеняют Сухова. Первые двое предсказуемы, несмотря на взрывной характер Павла Артемьевича, который радикально меняется как персонаж, и тем не менее следить за Суховым интереснее, потому что он сноровистее, красноречивее во всех своих словах и делах, и человечнее.

Рассматривая два типа персонажей – Иванушку-дурачка и Супергероя, мы, по сути дела, сравниваем две картины мира. И первая оказывается куда как жизнеспособнее. Ещё раз напомню – Иванушка-дурачок и Супергерой скрещивают шпаги не как два отдельно взятых персонажа, они борются в душе одного героя, как

две разные её ипостаси. Именно это объединяет советский истерн семидесятых годов XX века и американский супергеройский фильм первой четверти нового столетия. В обеих остросюжетных лентах Иванушка-дурачок побеждает Супергероя.

На пороге «комнаты желаний»



Дорогой читатель, только ты сможешь решить, когда тебе посмотреть вместе со своим ребёнком «Сталкера». Но я думаю, что торопиться не стоит. Лучше познакомиться со «Сталкером» позже, чем раньше. С твоей помощью ребёнок разберётся в фильме. Однако от нас должен исходить покой, нам необходимо сонастроиться с космическим ритмом картины, которая до сих пор остаётся большой загадкой: одного интеллектуального понимания недостаточно.

Об Андрее Тарковском написано много. И это неудивительно. Творчество великого режиссёра привлекало и будет привлекать внимание поклонников серьёзного кино. Среди теоретических книг об Андрее Арсеньевиче я бы выделил два фундаментальных исследования. «Художественная философия Андрея Тарковского» Игоря Ивановича Евлампиева и «Киногерменевтика Андрея Тарковского» Дмитрия Афанасьевича Салынского. Отдал дань творчеству режиссёра и ваш покорный слуга. В одной из своих книг я подробно разбираю картину «Сталкер». Однако об этом фильме, последнем из снятых в СССР, можно размышлять бесконечно. На мой взгляд, он является вершиной как отечественного, так и мирового кинематографа. Я не стану пересказывать фабулу картины, но её сюжетную канву напомню.

Три путешественника – Сталкер, Профессор и Писатель незаконно проникают в «Зону». Что такое «Зона»? Охраняемая правительственными войсками аномальная территория. Ходят слухи, что в «Зоне» есть волшебная комната. Она якобы исполняет желания. Возможно, что это и так. Но неизвестно, какое именно

желание Комната предпочтёт исполнить. Учитель Сталкера по кличке Дикобраз зашёл в Комнату с желанием воскресить своего брата, а Комната исполнила другое желание, которое он вовсе не считал заветным, – Дикобраз немыслимо разбогател. Вернувшись из «Зоны», учитель Сталкера пустился в разгул. Он прожигал жизнь, как мог, и вскоре повесился. Вот почему Писатель не спешит переступать порог заветной комнаты.

Профессор пришёл в «Зону» не для того, чтобы Комната его осчастливила, у него есть стройная теория: жрец науки намеревается взорвать Комнату. Что, если она попадёт в руки безумца, который вынашивает план мирового господства? Так Профессор надеется спасти мир. Но в конце концов он разбирает свою бомбу. Всё-таки Комната – часть природы, и он как учёный призван исследовать природу, а не уничтожать её.

А теперь вспомним, как Сталкер относится к «Зоне» и её сердцу – «комнате желаний». Комната позволяет отчаявшимся людям надеяться. На что? На чудо. Она вселяет веру, и Сталкер видит своё призвание в том, чтобы поддерживать эту веру. Писатель сомневается в чистоте помыслов Сталкера. Писатель считает, что тот зарабатывает на нашей «тоске по чуду». Впрочем, после исповеди проводника, Писатель почти готов признать, что Сталкером движет бескорыстие.

Писатель говорит, что идёт в «Зону» за вдохновением, но на самом деле это не совсем так. Герой Анатолия Солоницына утратил веру. Веру во что? В цивилизацию, в человека. В то, что жизнь имеет смысл. Он во всём разочаровался. Он сам себе глубоко противен. И конечно же, он утратил веру в Высшую силу. Однако, пройдя через испытания «Зоной» – «сухой туннель», песчаный зал, «мясорубку», Писатель изменился. Когда он отправлялся в опасное путешествие, он задавал себе вопрос: существует ли Высшая сила, тот незримый огонь, та великая Тайна, которая всё создала и продолжает создавать? Не выдумка ли это? Не чья-то ли блажь? Теперь Писатель спрашивает, не словами, конечно, а всем собой: возможно ли моё существование в отрыве от Высшей силы, от того огня, который творит саму жизнь? И если моё существование уже невозможно без Высшей силы, то готов ли я стать с нею единым целым? Пусть герой Солоницына пока не может ответить на этот вопрос. Но он его уже поставил.

Переступи он порог заветной комнаты, и она бы исполнила какое-нибудь из его поверхностных желаний, то есть желание в высшей степени эгоистическое. Вот чего боится Писатель. Истинное же его желание, которое залегает на беспредельной глубине сердца, сокрыто от него. Но чего желать беспредельной

глубине сердца, если к ней нельзя ничего ни прибавить, ни отнять? Да и нет уже того, кто мог бы чего-то желать. Или скажем по-другому. Желать этой глубины то же самое, что желать этой глубиной. Но для этого совершенно необязательно заходить в Комнату. Важно лишь возжелать всей душой, а не какой-то её частью. Или, как говорила Зинаида Миркина: «Самое истинное наше желание – это желание всей пробудившейся души». А чтобы возжелать всей душой, нужно, чтобы тебя уже ничто не отвлекало от твоей души. Вот «Зона» и старается убрать или скрыть всё лишнее. Вот почему трава высока. Вот почему столбы повалены, а провода оборваны. Подбитые танки заросли бурьяном. Кто победил, кто проиграл? Что делили? Победила тишина, и она всё в себе соединила. «Зона» оставляет человека наедине с его сутью, с его сердцевиной. Она-то, сердцевина, и притягивает, как магнит. И любой шаг, шуршит ли осока под ногами, скрипит ли битое стекло, становится шагом к самому себе.

Дома Сталкера дожидаются жена и дочка-инвалид: у Мартышки парализованы ноги. Жена Сталкера – святой человек. Она никогда его не бросит, хотя хлебнула с ним много горя. Все проводники в «Зону» маргиналы, никто из них не дружит с законом. Но герой Александра Кайдановского не просто маргинал, он юродивый. Так это или нет – неизвестно, но героиня Алисы Фрейндлих готова поддерживать эту веру и черпать из неё силы.

Зайди жена Сталкера в Комнату, и она бы нашла, о чём попросить. Но Сталкер, этот рыцарь веры, боится. А вдруг у жены ничего не получится? И что тогда? Тогда будет отнята последняя надежда на исцеление Мартышки. Невольно герой Кайдановского связывает свою веру с чудом. Если чуда не произойдёт, то и Высшей силы нет. И как после этого жить? Сталкер не понимает, что чудом является сама жизнь, такая, какая она есть. Чудо – это его семья, его жена, его больная дочь, которая учит его быть чутким и не требовать слишком многого ни от людей, ни от судьбы. Но Сталкер всё-таки требует, он обвиняет своих товарищей в безверии. Он и не заметил, какой переворот произошёл в Писателе. Да и Профессор вышел из «Зоны» другим человеком.

«Сталкер» – фильм о вере. Но он не ответ даёт, а вопрос ставит. Ответ же даст зритель. Ответов много. И ни за кем из нас не закреплено право решающего голоса. Можно усмотреть в этом слабость «немногословного искусства», а можно и – силу.

«Комната желаний» не освобождает нас от нашего креста, и всё-таки она помогает справиться с ношей. Ведь оказавшись на пороге Комнаты, человек задумывается о своём самом

сокровенном, самом выстраданном, самом истинном желании. И в этом собирании себя перед лицом Тайны, он обретает внутреннюю опору. Вера в то, что внутренняя опора крепче всех внешних подпорок вместе взятых, и есть вера в Высшую силу. Писателю эта истина уже открылась, но он пока ещё отвлекается от неё. Например, он боится переступить порог Комнаты, допуская существование в мире магической силы. Заглянув в Комнату, герой Солоницына нелепо машет руками, боясь переступить волшебную черту. И Сталкер втаскивает его в обыденный мир, ухватив за полу плаща.

Высшая сила окутана облаком магических предрассудков, и «Зона» расставляет «ловушки» на эти предрассудки. Люди погибают в «Зоне», потому что становятся жертвой своих предвзятых суждений: сложных духовных концепций или слишком простых рецептов спасения. Удивительно, но именно Писатель, циник и зубоскал, проходит через смертоносные ловушки невредимым. А это значит, что он всё-таки выстрадал право угадывать присутствие Высшей силы и в природе, и в человеке. Да, он приберёг пистолет на случай, если в «мясорубке» встретит инопланетян, мутантов или тёмных духов. Но сам же и осознаёт, насколько нелеп его страх. И в этом ему помогает Сталкер. «В кого… Ну в кого вы там будете стрелять?» – спрашивает он. И Писатель опускает пистолет в воду.

Двигаясь навстречу Высшей силе, огню, творящему жизнь, Писатель постепенно избавляется от страха. Ведь творящий огонь – наш друг. Друг, который никогда не предаст нас, никогда не утратит веры в нас. Да и как может наша незримая внутренняя опора быть враждебной нам? Вот каким доверием к мирозданию должен проникнуться Писатель. Доверием этим заражает его Сталкер, который вроде бы лучше Писателя чувствует, как переплетены все жизни, как хрупки эти жизни, но герой Кайдановского создал культ «Зоны», и этот культ является «ловушкой». Вот почему Сталкер неизменно посылает вперёд Писателя, своего новоиспечённого ученика. И этот ученик, похоже, превзошёл своего учителя.

Упомянутый мною Игорь Евлампиев видит в Писателе последователя Христа. И на это есть масса указаний. Обращу внимание только на одно из них. Перед тем как первый раз приблизиться к Комнате (вспомним сцену из первой серии фильма), Писатель легкомысленно насвистывает какой-то мотив. Но если мы вслушаемся, то не без удивления обнаружим, что в исполнении Писателя звучит ария из «Страстей по Матфею» Баха. Причём именно тот фрагмент арии, в котором предавший Христа Симон Пётр горько раскаивается. А вот ещё одно косвенное

свидетельство. Аскетичность и категоричность Сталкера совпадают с общепринятыми представлениями об Иоанне Предтече. И я уверен, что режиссёр фильма согласился бы с такой трактовкой, вот только Тарковский на ней не настаивает.

Как известно, Андрей Арсеньевич пытался построить смысловой мост между Западом и Востоком. Он словно бы спрашивал, имеют ли христианство и такие учения Дальнего Востока, как дзен-буддизм и даосизм, общие духовные основания? И, не вдаваясь в богословские тонкости этого весьма непростого вопроса, отвечал: «Да, имеют». Но отвечал не словами, а самой художественной тканью фильма. А иногда отвечал и фразами священных текстов. Так он соединил завуалированный евангельский стих с 76-м чжаном из «Дао де цзина».

«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф 18:3), – говорит Христос. А вот как поэтический пересказ этих слов переходит в монологе Сталкера в почти дословное воспроизведение стиха из трактата Лао-цзы. «Пусть исполнится то, что задумано. Пусть они поверят. И пусть посмеются над своими страстями. (…) А главное – пусть поверят в себя. И станут беспомощными, как дети. Потому что слабость велика, а сила ничтожна. Когда человек родится, он слаб и гибок. Когда умирает, он крепок и чёрств. Когда дерево растёт, оно нежно и гибко. А когда оно сухо и жёстко, оно умирает. Чёрствость и сила – спутники смерти. Гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому, что отвердело, то не победит».

Приведу факт, который стал уже давно общеизвестным. Когда Тарковский подбирался к замыслу «Сталкера», а было это в 1972 году, ему в руки попала ходившая в списках диссертация о дзен-буддизме. Её автором был Григорий Померанц, а называлась работа «Некоторые течения восточного религиозного нигилизма». Защитить опальному философу диссертацию не позволили, но она заинтересовала Тарковского, а впоследствии вдохновила не только его, но и композитора фильма Эдуарда Артемьева. Григорий Соломонович признавался нам, что узнал обо всём этом совершенно случайно, посмотрев передачу «Линия жизни» с Артемьевым. А потом я и сам нашёл в книге режиссёра «Мартиролог. Дневники 1970–1986» цитаты из диссертации Померанца.

Музыка, звучащая в фильме, усиливает атмосферу таинственности, которая очень тактично удерживается от ложной загадочности. Ничего сверхъестественного в «Зоне» не происходит. Но само ожидание чего-то из ряда вон выходящего становится неким аттракционом.

Превращая в сценарий свою фантастическую повесть «Пикник на обочине», братья Стругацкие переписывали «Сталкера» раз десять. Но на съёмочной площадке замысел дорабатывался. В фильме имеются сцены, которых нет в сценарии. Так, например, покинув ночное кафе, герой Кайдановского сажает Мартышку себе на плечи, но мы этого не видим. Перед нами крупный план дочери Сталкера. Она в зелёно-золотом платке. Девочка необъяснимо движется. Её ногами, в прямом смысле этого слова, ещё несколько лет будет её отец. Но впоследствии она может стать для Сталкера путеводной звездой, духовным наставником, если правильно распорядится своими уникальными способностями. Ведь Мартышка – дар «Зоны». Однако любой дар нуждается в шлифовке, чтобы отлетели комья земли и куски породы, приставшие к алмазу.

Что-то подобное происходит и с нами, зрителями, когда мы смотрим хорошее кино. Уходит всё лишнее, наносное. Остаётся только то, чем мы являемся на самом деле. Если Бузинную Палочку можно сломать и выбросить – значит, она не имеет никакого отношения к нашему Истинному «Я». Нашу истинную природу, у которой есть только одно желание – ни на шаг не отходить от самой себя, сломать и выбросить невозможно. Но возможно и ещё как возможно – предать её забвению. Вот тогда-то в нашей душе и заводится рой бесконечных желаний. Они могут выдавать себя за выстраданные или заветные, и даже облачаться в одежды святости, но в действительности являются лишь нашими страстями. Вымаливал же Дикобраз своего брата, а Комната сделала его немыслимо богатым. Учитель Сталкера повесился даже не из-за того, что Комната сорвала с него маску святоши, а из-за того, что Дикобраз именно так, а не иначе воспринял своё внезапное обогащение. «Комната желаний» может дать всё, что угодно. Или ничего не дать. Но лишь мы придаём смысл и значение её дарам или их отсутствию.

Почему Дикобраз, сделавшись богатым, снова не пошёл в Комнату? Почему он не продолжал вымаливать брата? Да потому что решил, что Комната уже исполнила его заветное желание. К такому выводу приходит Писатель. Мы же пойдём дальше или станем ещё тише. А что, если на Дикобраза богатство свалилось совершенно случайно? Такого он не допустил? Нет. Дикобразу очень нужно было удостовериться в своём тёмном нутре, и он не стал опускаться на ещё большую глубину, где и покоится наша внутренняя опора, незаходящий свет.

Иное дело Писатель. Признавая все свои несовершенства и каждый раз преподнося себя в самом невыгодном свете, он не опускает рук. Ему нужна истина и только истина. А значит, его не

удовлетворит низкая истина о самом себе. Он не купится на неё, как купился Дикобраз. Хотя Писатель хорошо знает, насколько велик соблазн навешать на себя всех собак. Поистине подобный соблазн можно назвать дьявольским. Герой Солоницына фиглярствует и даже богохульствует, нацепив на голову терновый венок, но он не отступится, не сдастся. Ему предстоит стать человеком в полном смысле этого слова, вырасти в свою полную меру, а это значит обрести несломимую внутреннюю опору.

Опора эта не является собственностью Писателя. Она укоренена в глубинах личности и Сталкера, и Профессора, и жены Сталкера, и Мартышки. В этой *опоре* происходит встреча всех людей. Для этой *опоры* нет чужих, посторонних. Она и есть тот краеугольный камень общей жизни, который порою с поразительной лёгкостью отбрасывается.

Хорошее кино кладёт именно этот камень во главу угла.

Вот мы вместе с героем Анатолия Солоницына замираем на пороге «комнаты желаний». Дальше идти некуда. Помните притчу про ученика, которому учитель сказал: «Встань, а теперь шагни навстречу себе»? И ученик не смог даже пальцем пошевелить. Вот и музыкант Джо Гарднер из мультфильма «Душа» замирает на пороге то ли мира, то ли «комнаты желаний». Чего Гарднеру ещё желать? Он чувствует себя живым, абсолютно живым.

Живым, впервые за долгое время, чувствует себя и Писатель.

Да, человек есть тайна, но разгадать её можно только ещё большей Тайной, которая есть бесконечная глубина нашего сердца. Григорий Померанц сказал, что на вершине любви человек человеку – икона, и икона не заслоняет Бога. Продолжим этот ряд. Человек человеку – тайна, и тайна, благодаря которой мы все такие разные, фантастически разные, изумительно разные, не заслоняет собою Тайны, в которой тонут все наши различия и все наши споры. Эта Тайна с заглавной буквы есть та бездонная глубина жизни, на которой все сердца соединяются в одно Сердце.

Лирический эпилог

Я предполагал закончить книгу разговором о фильме «Сталкер», но понял, что чего-то очень важного не сказал. Как будто бы не успел. Поэтому к лирическому отступлению, которое я позволил себе в главе «Переводные картинки», прибавлю лирический эпилог.

Есть два особенно дорогих мне разговора, связанных с моими детьми. Я люблю их приводить, и уже не однажды делал это. Мне кажется, что каждый раз я пересказываю их по-новому, но, возможно, и ошибаясь. Слово из песни не выкинешь. Если именно так эти разговоры отпечатались в памяти, то пусть в этом виде они и лягут на бумагу.

В четырнадцать лет мой старший сын очень стремился к самостоятельности. Хотя, конечно, и не вполне понимал, что это такое. Михаил не упускал ни одной возможности заявить о своих правах.

Сотовый я взял не сразу: проспект Мира улица шумная. Голос жены был натянут, как струна:

– Миша собирается на дискотеку.

– Понятно. И что не так? – перекрикивал я поток машин.

– Дискотека закончится в одиннадцать. Его могут задержать.

Перспектива вырисовывалась не самая радужная. Я – в Москве, жена с детьми – в Казани. Старший из дома рвётся. Младшему не исполнилось и четырёх. В тот год в Казани действовал комендантский час. Дети без сопровождения взрослых не могли после одиннадцати вечера находиться на улице. И жена профессионально поставила меня перед фактом:

– Как отец сделай что-нибудь!

А нужно сказать, что наш мальчик полез в бутылку, пошёл на принцип. И вот я стоял с трубкой в руке посреди Москвы, собираясь совершить что-нибудь могучее. Перевёл дух, набрал Мишу.

– Привет, сынок. Как дела?

– Привет! – сказал, как отрезал.

Ему было прекрасно известно, что отцу уже выдали инструкции. Сейчас отец должен решать вопрос. А я продолжал наводить дипломатию.

– Я знаю, что ты хочешь пойти на дискотеку и ты наверняка договорился с Пашкой и Сашкой. И я думаю, что это для тебя очень важно.

– Да! – перебил он.

– Ну, хорошо. Я вот хотел с тобой посоветоваться.

Тут он смягчился:

– Да, я слушаю.

– Ты понимаешь, в чём дело. Насколько я знаю, тебя могут, если ты будешь возвращаться после одиннадцати, замести. У тебя ещё возраст невзрослый. Поэтому мама и волнуется. Давай мы с тобой так поступим. Ты эту ситуацию всю знаешь. Предлагаю нам вместе подумать, как её решить.

Сын молчал, как партизан на допросе.

– Я хочу, чтобы решение исходило от тебя. Чтобы оно было взвешенным и мудрым, но необязательно. Оно может быть любым. И я приму любое твоё решение. Потому что ты взрослый человек, мы одна семья, и, что бы с кем ни случилось, мы все в ответе за это. Вот мама сейчас с братом твоим сидит. Я сейчас в командировке. Ты сейчас с друзьями. У всех очень важные дела, и твоё дело не менее важное. Давай просто решим, какой найти вариант, чтобы как-то это было безболезненно и чтобы в этом присутствовал здравый смысл.

Я слышал, как он сопит. У него что-то отнимали. Он это понимал.

– Давай так. Вот ты сейчас всё это взвесь, а потом мы вернёмся к нашему разговору. И ты сообщишь о своём решении, но любое твоё решение я приму спокойно, с уважением и буду знать, что, раз ты так решил, значит, у тебя были основания и, значит, ты обо всём подумал. И мне уже волноваться не о чем, потому что *ты обо всём подумал*. Спасибо, дорогой, я тебя обнимаю, – и положил трубку.

Не могу передать, чего мне это стоило. Позвонил жене.

– Я поговорил.

– Ну, что ты ему сказал?

– Сказал, что он взрослый человек и что я жду от него взрослого решения.

– Да ты что! – всполошилась она. – Ну конечно же, он пойдёт на дискотеку! Какое взрослое решение?!

– Я не знаю, я не знаю, – пробормотал я. Причём я прекрасно понимал, что ставлю на кон весь свой авторитет. – Я честно не

знаю. Давай посмотрим…

Когда Мишка ходил пешком под стол, всё как-то было проще. Мы с ним что-то строили, разговаривали и прекрасно ладили. Потом он стал первоклассником. Потребовал от нас, чтобы мы никого ни Пашей, ни Сашей не называли, потому что все Паши и все Саши немного вредненькие. Но в целом социализация прошла успешно. Мы прислушались к его совету и назвали второго сына Семёном. Когда он родился, Михаил перешёл в четвёртый. Как-то в школе ему сказали, что дома должны быть толковый словарь, словарь синонимов и почему-то словарь антонимов. Жена взяла его за руку: «Пойдём, покажу полочку». Миша зашёл в кабинет, увидел прогнувшуюся от словарей полку, проникся. Понял, что у него дома всё в порядке. А потом он вдруг вырос. Стал угловатым и лохматым.

Пока я предавался ностальгическим воспоминаниям, в Казани что-то решалось. Минут через десять жена перезвонила мне.

– Вот, он пошёл, – объявила она.

– Так. Ну, хорошо. Пошёл. Куда пошёл?

– Он пошёл в кино.

– В смысле, в кино? Он же на дискотеку собирался.

– Ну, вот он пошёл в кино, потому что оно закончится в десять, и он успеет до комендантского часа.

– Вот видишь, как хорошо!

– Но я же буду всё равно волноваться.

– Да, но он же успевает?

– Успевает.

Честно говоря, мне было всё равно, на каком фильме Миша остановил свой выбор – на «хорошем» или первом попавшемся. Просто никогда в жизни я не был так рад, что мой сын пошёл в кино.

И вот с того дня что-то произошло в наших с ним отношениях. Михаил нашёл компромисс. Он принял то решение, которое сразу сделало его по-настоящему самостоятельным.

Да и я кое-что понял. Я больше не могу посягать на его пространство. Я не буду заниматься этим всю жизнь. Ему всё равно придётся выбирать. Так лучше пусть он начинает прямо сейчас. И пусть он повзрослеет на день раньше, чем на день позже. Сколько ещё я буду рулить им? Стучать кулаком? Да это всё не работает! Да мне и не по чему кулаком стучать. Да и кулака уже никакого давно нет. Потому что сын вырос.

Когда ты делишься со своим ребёнком ответственностью, то ты получаешь обратно взвешенное решение. Когда ты всю ответственность сгребаешь в карман, то ты имеешь дело с вечным

ребёнком. Он либо подчинится, но затаит обиду, либо станет абсолютно бесконтрольным. Мне кажется, что это единственный путь: не навязывать своё мнение, свой взгляд, а поделиться ответственностью и стать командой. Семья – это команда, это единое целое, и поэтому все отвечают друг за друга. И не нужно изображать это, играть в это. Мол, я делаю вид, что делюсь с ним ответственностью. Я не играл, это всё было очень серьёзно…

А вот история вторая.

Когда моему младшему исполнилось шесть, он сел за стол и загрустил. Перед ним стояла пустая чашка. И он очень печально на неё смотрел.

– Папа, помоги мне. Почему у меня плохое настроение?

– Как тебе помочь?

– Я не знаю.

Я поскрёб щёку и сказал:

– Представь себе, что ты – вот эта чашка.

– Это неприлично, – отпрянул Семён от чашки.

– Ну хорошо, не представляй.

– Нет, я представил, – настоял он из упрямства.

– Здорово. Чашка пустая. Ты заметил?

– Ну заметил, заметил!

Он не любил глупых вопросов. Я же продолжал выступать в роли мистера Очевидность:

– Внутри чашки воздух, правильно?

– Ну правильно, правильно!

– А этот воздух в чашке – тоже ты?

Он заглянул в чашку, подумал и сказал:

– Ну да. Воздух – это тоже я.

– Хорошо. А если чашка нечаянно разобьётся. Упадёт со стола и разобьётся. Что тогда станет с воздухом?

– Воздух выживет!

– Прекрасно! А теперь ответь мне на вопрос. Ты кто? Чашка, которая может разбиться, или воздух в чашке?

– Я воздух! – выпалил он.

– Как настроение?

– Хорошее! – понёсся Семён куда-то, а потом вернулся и с удивлением спросил: – Папа, а почему у меня хорошее настроение?

Если бы меня попросили дать совет по воспитанию детей, я бы ограничился одним соображением. С детьми нужно разговаривать, но иногда и вдумчиво помолчать. И я даже не знаю, что важнее.

Не замыкайтесь в себе. Говорите с ними обо всём на свете.

Читайте вместе книжки, смотрите фильмы, ходите в лес. Обязательно ходите в лес! Пусть в ваших отношениях будет больше «воздуха» и меньше «чашки».

Я знаю, этому невозможно научить. Но этому можно научиться.